

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Геродот
История

«Издательство АСТ»

V в. до н.э.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

Геродот

История / Геродот — «Издательство АСТ», V в. до
н.э. — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-103737-6

В «Истории» Геродота собраны известные на то время сведения об окружающих Древнюю Элладу землях и населяющих их народах — сведения, сохранившиеся благодаря автору и ставшие для нас первоисточником знаний об античном мире, сведения о жизни не только древних греков, но и персов, мидян и даже скифов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-17-103737-6

© Геродот, V в. до н.э.
© Издательство АСТ, V в. до н.э.

Содержание

Книга первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Геродот История

Книга первая Клио

Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения¹, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния² как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.

1. По словам сведущих среди персов людей, виновниками раздоров между эллинами и варварами были финикияне. Последние прибыли от так называемого Красного моря к Нашему морю³ и поселились в стране, где и теперь еще живут⁴. Финикияне тотчас же пустились в дальние морские путешествия. Перевозя египетские и ассирийские товары во многие страны, они, между прочим, прибыли и в Аргос. Аргос же в те времена был самым значительным городом в стране, которая теперь называется Элладой. Когда финикияне прибыли как раз в упомянутый Аргос⁵, то выставили свой товар на продажу. На пятый или шестой день по их прибытии, когда почти все товары уже были распроданы, на берег моря среди многих других женщин пришла и царская дочь. Ее имя было Ио, дочь Инаха; так же называют ее и эллины. Женщины стояли на корме корабля и покупали наиболее приглянувшиеся им товары. Тогда финикияне по данному знаку набросились на женщин. Большая часть женщин, впрочем, спаслась бегством, Ио же с несколькими другими они успели захватить. Финикияне втащили женщин на корабль и затем поспешно отплыли в Египет⁶.

2. Так-то, говорят персы, Ио попала в Египет. Эллины же передают это иначе. Событие это послужило первой причиной вражды. Затем, рассказывают они далее, какие-то эллины (имя они не могут назвать) прибыли в Тир Финикийский и похитили царскую дочь Европу⁷. Должно быть, это были критяне⁸. Этим они только отплатили финикиянам за их проступок. Потом эллины все-таки снова нанесли обиду варварам. На военном корабле они прибыли в Эю в Колхиде и к устью реки Фасиса. Завершив там все дела, ради которых прибыли, эллины затем похитили царскую дочь Медею. Царь колхов отправил тогда в Элладу посланца с требованием пени за похищенную и возвращения дочери. Эллины, однако, дали такой ответ: так как они сами не получили пени за похищение аргивянки Ио, то и царю ничего не дадут.

3. Затем в следующем поколении, говорят они, Александр, сын Приама, который слышал об этом похищении, пожелал умыканием добыть для себя женщину из Эллады. Он был твердо

¹ В подлиннике *ἱστορίας ἀλόδεξις* – изложение сведений, полученных путем расспросов.

² В подлиннике *εργα* – деяния, постройки, вообще все результаты человеческой деятельности, успехи.

³ Здесь: Персидский залив. Наше море – Средиземное море.

⁴ Имеется в виду арамейское переселение народов (ок. 1400–1200 гг. до н. э.) из восточной Аравии в северную Сирию. Арамеи основали там города, упоминаемые в Библии.

⁵ В шахтовых микенских (Аргос) гробницах (XVII в. до н. э.) найдены золотые украшения, алебастровые сосуды и страусовые яйца. Упомянутые Геродотом торговые сношения могли существовать уже во второй половине II тысячелетия до н. э.

⁶ Такая причина войны греков с варварами пародируется Аристофаном (Ахарняне, 330 сл.).

⁷ Ядром сказания является, быть может, похищение ахейцами кумира малоазиатской богини в эпоху падения хеттского царства (ок. 1170 г. до н. э.). На хеттских печатях-цилиндрах встречается изображение нагой богини, сидящей на быке. Так изображали Европу и греки.

⁸ Критяне или родственные им «морские народности» высадились около 1200 г. до н. э. на сирийском и палестинском побережье и основали там много городов (например, Газа, Аскалон). Библия называет их «филистимлянами».

уверен, что не понесет наказания, так как и эллины тогда ничем не заплатились. После того как Александр таким образом похитил Елену, эллины сначала решили отправить посланцев, чтобы возвратить Елену и потребовать пени за похищение. Троянцы же в ответ бросили им упрек в похищении Медеи. Тогда ведь, говорили они, сами эллины не дали никакой пени и не возвратили Медеи, а теперь вот требуют пени от других.

4. До сих пор происходили только временные похищения женщин. Что же до последующего времени, то несомненно тяжкая вина лежит на эллинах, так как они раньше пошли походом в Азию, чем варвары в Европу. Похищение женщин, правда, дело несправедливое, но стараться мстить за похищение, по мнению персов, безрассудно. Во всяком случае мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели. По словам персов, жители Азии вовсе не обращают внимания на похищение женщин, эллины же, напротив, ради женщины из Лакедемона собрали огромное войско, а затем переправились в Азию и сокрушили державу Приама. С этого времени персы всегда признавали эллинов своими врагами. Ведь персы считают Азию и живущие там варварские племена своими, Европа же и Эллада для них – чужая страна.

5. Таков, говорят персы, был ход событий, и взятие Илиона, думают они, послужило причиной вражды к эллинам. О похищении же Ио финикияне рассказывают иначе, чем персы, вот что. Именно, по их словам, они вовсе не увозили Ио насильно в Египет, так как она уже в Аргосе вступила в любовную связь с хозяином корабля. Когда же почувствовала себя беременной, то от стыда перед родителями добровольно уехала с финикиянами, чтобы скрыть свой позор. Так рассказывают персы и финикияне. Что до меня, то я не берусь утверждать, случилось ли это именно так или как-нибудь иначе. Тем не менее я хочу назвать человека, который, как мне самому известно, положил начало враждебным действиям против эллинов⁹. Затем в продолжение моего рассказа я опишу сходным образом как малые, так и великие людские города. Ведь много когда-то великих городов теперь стали малыми, а те, что в мое время были могущественными, прежде были ничтожными. А так как я знаю, что человеческое счастье изменчиво, то буду одинаково упоминать о судьбе тех и других.

6. Крез, родом лидиец¹⁰, сын Алиатта, был владыкой народов по эту сторону реки Галиса (Галис течет с юга на север между землями сирийцев¹¹ и пафлагонцев и впадает в море, называемое Евксинским Понтом). Этот Крез, насколько я знаю, первым из варваров покорив часть эллинов, заставил платить себе дань; с другими же он заключил союзные договоры. Покорил же он ионян, эолийцев и азиатских дорийцев¹², а с лакедемонянами вступил в союз. Однако до владычества Креза все эллины были свободными. Ведь нашествие киммерийцев¹³, которые еще до времен Креза дошли до Ионии, не было длительным завоеванием, а скорее простым набегом для захвата добычи.

7. Власть, принадлежавшая ранее дому Гераклидов, перешла к роду Креза (этот род зовется Мермнадами)¹⁴. Произошло это таким образом: Кандавл, которого эллины называют

⁹ Причины войн греков с варварами – это взаимные обиды. Первый нанес обиду Крез, подчинивший эллинов в Малой Азии. Обида и месть часто встречаются у Геродота для объяснения исторических событий (см.: А. И. Доватур. Стил, с. 113).

¹⁰ Они, по-видимому, относятся к индоевропейским народностям. Язык лидийцев принадлежит к хетто-лувийской группе или к хетто-лидийской подгруппе (см.: В. В. Шеворощин. Лидийский язык. М., 1967. С. 17). Лидийцы упоминаются в египетских надписях (ок. 1234–1225 гг. до н. э.) как «турша» среди «морских» народов, напавших на Египет.

¹¹ Под сирийцами здесь имеются в виду халибы (у Гомера – гализоны. Илиада II, 856).

¹² Геродот упоминает только часть греческих племен, осевших на западном побережье Малой Азии. Греческие племена переселились в Малую Азию после падения хеттского царства (около 1170 г. до н. э.). Сначала пришли эолийцы, потом ионяне и последними дорийцы.

¹³ Нашествие киммерийцев относится ко времени ок. 700 г. до н. э. Аккадская версия персидских царских надписей знает киммерийцев как саков на западе совр. Туркестана. Они обитали к северу от Окса и назывались «гимир», или «гиммири».

¹⁴ Геродот дает мифическую генеалогию лидийских царей. Он, видимо, не знает лидийских преданий. Так, имя царя Кандавл – не собственное имя определенного царя, но скорее означает «властитель».

Мирсилом, был тираном Сард. Он был потомком Алкея, сына Геракла. Первым царем Сард из дома Гераклидов стал Агрон, сын Нина, внук Бела, правнук Алкея. Кандавл же, сын Мирса, был их последним царем. Цари, управлявшие этой страной до Агрона, были потомками Лида, сына Атиса, того лидийца, от которого весь нынешний народ (прежде называемый меонами) получил имя лидийцев. От них, по предсказанию оракула, получили власть Гераклиды. Последние вели свой род от Геракла и рабыни Иардана и правили в течение 22 людских поколений¹⁵, 505 лет, причем всегда сын у них наследовал власть от отца вплоть до Кандавла, сына Мирса.

8. Этот Кандавл был очень влюблен в свою жену и, как влюбленный, считал, что обладает самой красивой женщиной на свете. Был у него среди телохранителей некий Гигес¹⁶, сын Даскила, которого он особенно ценил. Этому-то Гигесу Кандавл доверял самые важные дела и даже расхваливал красоту своей жены. Вскоре после этого (ведь Кандавлу предречен был плохой конец) он обратился к Гигесу с такими словами: «Гигес, ты, кажется, не веришь тому, что я говорил тебе о красоте моей жены (ведь ушам люди доверяют меньше, чем глазам), поэтому постарайся увидеть ее обнаженной». Громко вскрикнув от изумления, Гигес отвечал: «Что за неразумные слова, господин, ты говоришь! Ты велишь мне смотреть на обнаженную госпожу? Ведь женщины вместе с одеждой совлекают с себя и стыд!¹⁷ Давно уже люди узнали правила благопристойности и их следует усваивать. Одно из них главное: всякий пусть смотрит только за своим. Я верю, что она красивее всех женщин, но все же прошу: не требуй от меня ничего, противного обычаям».

9. Так говорил Гигес, пытаясь отклонить предложение царя в страхе попасть из-за этого в беду. Кандавл же возразил ему такими словами: «Будь спокоен, Гигес, и не бойся: я сказал это не для того, чтобы испытать тебя, и моя жена тебе также не причинит никакого вреда. Я подстрою сначала все так, что она даже и не заметит, что ты ее увидел. Тебя я поставлю в нашем спальном покое за закрывающейся дверью. За мной войдет туда и жена, чтобы возлечь на ложе. Ближе от входа стоит кресло, куда жена, раздеваясь, положит одну за другой свои одежды. И тогда ты сможешь спокойно ею любоваться. Если же она направится от кресла к ложу и повернется к тебе спиной, то постарайся выйти через дверь, чтобы она тебя не увидела».

10. Тогда Гигес уже не мог уклониться от такого предложения и выразил свою готовность. Когда Кандавл решил, что настала пора идти ко сну, то провел Гигеса в спальню, куда затем тотчас же пришла и жена. И Гигес любовался, как она вошла и сняла одежды. Как только женщина повернулась к нему спиной, Гигес постарался, незаметно ускользнув, выйти из покоя. Тем не менее женщина видела, как он выходил.

Хотя она поняла, что все это подстроено ее мужем, но не закричала от стыда, а, напротив, показала вид, будто ничего не заметила, в душе же решила отомстить Кандавлу. Ведь у лидийцев и у всех прочих варваров считается великим позором, даже если и мужчину увидят нагим.

11. Как ни в чем не бывало женщина хранила пока что молчание. Но лишь только наступил день, она велела своим самым преданным слугам быть готовыми и позвать к ней Гигеса. Гигес же пришел на зов, уверенный, что ей ничего не известно о происшествии, так как и прежде он обычно приходил всякий раз, как царица его призывала к себе. Когда Гигес предстал перед ней, женщина обратилась к нему с такими словами: «Гигес, перед тобой теперь два

¹⁵ В хронологии Геродот придерживается принципа своих предшественников: три поколения равны ста годам (см.: *С. Я. Лурье*. Геродот, с. 112).

¹⁶ Имя основателя новой лидийской династии интерпретируется исследователями по-разному. Одни считают его термином родства («дед»), другие – названием птицы (см.: *В. В. Шеворошкин*. Лидийский язык, с. 56). Отец Гигеса, быть может, происходил из вифинского города Даскилиона и потому назван Даскилом. Царь Гигес создал могущественное и независимое государство, благодаря чему лидийцы сосредоточили в своих руках всю сухопутную торговлю в Передней Азии (*С. Я. Лурье*. История, с. 97).

¹⁷ Смысл: «в тот момент, когда женщина снимает свой хитон, она лишается подобающего ей уважения» (ср.: *R. Harder*. Herodot I 8, 3. Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschungen. Munchen, 1962. S. 374).

пути; даю тебе выбор, каким ты пожелаешь идти. Или ты убьешь Кандавла и, взяв меня в жены, станешь царем лидийцев, или сейчас же умрешь, для того чтобы ты, как верный друг Кандавла, и в другое время не увидел, что тебе не подобает. Так вот, один из вас должен умереть: или он, соблазнивший тебя на этот поступок, или ты, который совершил непристойность, увидев мою наготу». Пораженный ее словами, Гигес сначала не знал, что ответить, а затем стал молить царицу не вынуждать его к такому страшному выбору. Гигесу не удалось все же убедить ее. Тогда, видя, что выбор неизбежен – или убить своего господина, или самому пасть от руки палачей, – он избрал себе жизнь и обратился к царице с таким вопросом: «Так как ты заставляешь меня против воли убить моего господина, то скажи же, как мы с ним покончим?» На это царица дала такой ответ: «Мы нападём на него на том самом месте, откуда он показал тебе меня обнаженной, и ты убьешь его во время сна».

12. Обдумав совместно этот коварный план, Гигес с наступлением ночи проник в спальня покой вслед за женщиной (ведь она не отпускала Гигеса; выход ему был отрезан, и предстояло или самому умереть, или умертвить Кандавла). Тогда царица дала ему кинжал и спрята за той же дверью. Когда же Кандавл заснул, Гигес, крадучись, пробрался к нему и, заколов его, овладел таким образом его женой и царством. Об этом рассказывает также Архилох из Пароса, который жил в то время, в ямбическом триметре.

13. Так-то Гигес овладел царством, и дельфийский оракул подтвердил его право на престол изречением. Лидийцы же после убийства Кандавла в негодовании взяли за оружие, но приверженцы Гигеса договорились с остальными лидийцами о том, что Гигес останется их царем, если только оракул признает его. Оракул же изрек признание, и таким образом Гигес стал царем. Впрочем, Пифия добавила еще и такое изречение: Гераклиды получают возмездие в пятом потомке Гигеса. Однако лидийцы и их царь вовсе не придали значения этому оракулу, пока он не исполнился.

14. Так Мермнады завладели царской властью, которую они отняли у Гераклидов. Гигес же, вступив на престол, отослал в Дельфы немалое число посвятительных даров (большинство серебряных вещей в Дельфы посвятил он)¹⁸. А кроме серебра, он посвятил еще несметное количество золота; среди прочих вещей, достойных упоминания, там 6 золотых кратеров весом в 30 талантов. Стоят они в сокровищнице коринфян. В действительности же это не сокровищница государства коринфян, а Кипсела, сына Этиона. Этот Гигес был, насколько я знаю, первым из варваров (после Мидаса¹⁹, сына Гордия, царя Фригии), который посвятил дары в Дельфы. Ведь Мидас также принес дары, именно свой царский трон, восседая на котором он творил суд. Этот достопримечательный трон стоит на том же месте, где и Гигесовы кратеры. А эти золотые и серебряные сосуды, посвященные Гигесом, дельфийцы называют Гигадами, по имени посвяtitеля. После воцарения Гигес выступил походом на Милет и Смирну и завоевал город Колофон. Впрочем, за свое 38-летнее царствование Гигес²⁰ не совершил ничего великого, и так как мы уже много рассказали о нем, то можем теперь перейти к его потомкам.

15. Я упомяну Ардиса, сына Гигеса, который царствовал после него. Ардис завоевал Приену и пошел войной на Милет²¹. В его правление в Сардах киммерийцы²², изгнанные из своих

¹⁸ Как неэллины, Гигес не мог иметь в Дельфах своей сокровищницы.

¹⁹ Имя Мидас встречается в древнефригийской надписи VII в. до н. э. в форме Мидаи.

²⁰ Гигес пал в битве с киммерийцами ок. 654 г. до н. э. (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 91).

²¹ Лидийские цари вели упорную войну с Милетом (из-за торговых интересов), но взять город им не удалось. Во внутренние дела городов они, однако, не вмешивались и оставили в руках греков всю морскую торговлю. Лидийское господство было для греков скорее выгодным (см.: С. Я. Лурье. История, с. 98).

²² По аккадскому (ассирийскому) преданию, с киммерийцами сражался уже Гигес (Ги-гу), отец Ардиса. Лидийский царь сначала вступил в союз с ассирийским царем Ассурбанипалом, а потом с царем Египта Псамметихом.

обычных мест обитания скифами-кочевниками²³, проникли в Азию и захватили Сарды (кроме акрополя).

16. После 49-летнего царствования Ардиса престол перешел по наследству к его сыну Садиятту, который царствовал 12 лет. Садиятту же наследовал Алиатт. Последний начал войну с Киаксаром (внуком Деиока) и с мидийцами. Затем он изгнал киммерийцев из Азии, завоевал Смирну, колонию Колофона, и пошел войной на Клазомены. От Клазомен ему пришлось вернуться не так, как он бы хотел, но с большим уроном.

17. Из других деяний его царствования вот наиболее достойные упоминания. Продолжая войну, начатую еще его отцом, он воевал с милетянами. Выступив в поход, он действовал при осаде Милета так. Он начинал поход с войском против Милета в пору созревания хлеба на полях. Шел он под звуки свирелей, пектид²⁴ и мужских и женских флейт. Прибыв в землю милетян, он не стал разрушать и сжигать дома на полях и взламывать двери, но оставлял в неприкосновенности. Только деревья он срубил и уничтожил хлеб на полях, а затем возвратился домой. Осаждать город было бесполезно, так как милетяне господствовали на море. Дома же лидийский царь не разрушал для того, чтобы милетяне могли, живя в них, оттуда снова засеять и вспахать свои поля и чтобы сам он, когда они вновь обработают землю, мог при следующем набеге опять опустошить их.

18. Так вел войну лидийский царь одиннадцать лет подряд. За эти годы милетяне дважды понесли большие поражения: на их собственной земле при Лименее и в долине Меандра. Шесть из этих одиннадцати лет относятся еще к эпохе правления над лидийцами Садиятта, сына Ардиса, который в это время воевал с милетянами (ведь это Садиятт начал войну). Пять последних лет войну вел Алиатт, сын Садиятта, который, как я упомянул выше, приняв ее от отца, ревностно продолжал. Милетянам в этой войне не помогал ни один ионийский город, кроме одних хиосцев, которые в оплату пришли им на помощь. Прежде ведь милетяне вели войну вместе с хиосцами против эрифрейцев.

19. Когда же на двенадцатый год войны войско лидийцев вновь сожгло нивы, произошло вот что. Лишь только запылали нивы, огонь, подхваченный ветром, перекинулся на храм Афины по прозвищу Ассесии²⁵. Объятый пламенем, храм сгорел. Сначала лидийцы этому событию не придали никакого значения. По возвращении же войска в Сарды Алиатт занемог. Болезнь между тем затянулась, и царь отправил послов в Дельфы – посоветовал ли ему кто-нибудь или же сам он решил – спросить оракула о болезни. По прибытии послов в Дельфы Пифия дала ответ, что бог не даст им прорицания, пока они не восстановят сожженный храм Афины, что у Ассеса в земле милетян.

20. Такой рассказ я сам слышал в Дельфах. Милетяне же добавляют к этому еще вот что. Периандр, сын Кипсела, близкий друг Фрасибула, тогдашнего тирана Милета, узнал о данном Алиатту оракуле. Он послал к Фрасибулу вестника с сообщением об оракуле, чтобы тот заранее принял свои меры. Так передают милетяне.

21. Алиатт же, говорят милетяне, получив ответ Пифии, тотчас послал глашатая в Милет заключить перемирие с Фрасибулом и милетянами на время, пока он не отстроит храма. Так вот, царский глашатай прибыл в Милет. Фрасибул же, заранее уведомленный обо всем и зная намерения Алиатта, придумал такую хитрость. Он приказал весь хлеб, что был в городе (и его собственный, и отдельных граждан), снести на рыночную площадь и велел милетянам по данному знаку начинать веселые пирушки с песнями.

²³ Ок. 720 г. до н. э. скифы пришли в причерноморские степи из совр. Западного Туркестана и затем ок. 623 г. завоевали мидийское царство Киаксара.

²⁴ *Пектида* – 20-струнный инструмент вроде арфы, обнимал 2 октавы. *Флейта* низкого тона называлась мужской, а высокого – женской.

²⁵ *Ассес* – место, где стоял храм. Лидийское имя богини Афины Асви (В. В. Шеворошкин. Лидийский язык, с. 54).

22. А это Фрасибул сделал и отдал такое приказание для того, чтобы глашатай из Сард, увидев огромные кучи хлеба, наваленные на площади, и людей, живущих в свое удовольствие, сообщил об этом Алиатту. Так действительно и случилось. Вестник увидел все это и затем, передав поручение лидийского царя Фрасибулу, возвратился в Сарды. И, как я узнал, мир был заключен не по какой-либо иной причине, а только из-за его сообщения. Алиатт ведь рассчитывал на то, что в Милете сильный голод и что измученный народ дошел до предела несчастья. Теперь же он услышал по возвращении глашатая из Милета сообщение, прямо противоположное тому, что он ожидал. После этого был заключен мир, по которому они вступили в дружбу и союз друг с другом. Алиатт же воздвиг в Ассесе вместо одного храма Афине два и исцелился от своего недуга. Так обстояло у Алиатта с войной против милетян и Фрасибула.

23. Периандр, который сообщил Фрасибулу упомянутое изречение оракула, был сыном Кипсела. Периандр был тираном Коринфа. С ним-то, как говорят коринфяне (и этот рассказ подтверждают также лесбосцы), приключилось в жизни величайшее диво. Арион из Мефимны был вынесен на дельфине из моря у Тенара. Это был несравненный кифаред своего времени и, насколько я знаю, первым стал сочинять дифирамб²⁶, дал ему имя и обучил хор для постановки в Коринфе.

24. Этот-то Арион большую часть времени своей жизни провел у Периандра и затем решил отплыть в Италию и Сикелию. Там он нажил великое богатство, потом пожелал возвратиться назад в Коринф. Он отправился в путь из Таранта и, так как никому не доверял больше коринфян, нанял корабль у коринфских мореходов. А корабельщики задумали [злое дело]: в открытом море выбросить Ариона в море и завладеть его сокровищами. Арион же, догадавшись об их умысле, стал умолять сохранить ему жизнь, предлагая отдать все свои сокровища. Однако ему не удалось смягчить корабельщиков. Они велели Ариону либо самому лишиться себя жизни, чтобы быть погребенным в земле, либо сейчас же броситься в море. В таком отчаянном положении Арион все же упросил корабельщиков (раз уж таково их решение) по крайней мере позволить ему спеть в полном наряде певца, став на скамью гребцов. Он обещал, что, пропев свою песнь, сам лишит себя жизни. Тогда корабельщики перешли с кормы на середину корабля, радуясь, что им предстоит услышать лучшего певца на свете. Арион же, облачась в полный наряд певца, взял кифару и, стоя на корме, исполнил торжественную песнь²⁷. Окончив песнь, он, как был во всем наряде, ринулся в море. Между тем корабельщики отплыли в Коринф, Ариона же, как рассказывают, подхватил на спину дельфин и вынес к Тенару. Арион вышел на берег и в своем наряде певца отправился в Коринф. По прибытии туда он рассказал все, что с ним случилось. Периандр же не поверил рассказу и велел заключить Ариона под стражу и никуда не выпускать, а за корабельщиками внимательно следить. Когда же те прибыли в Коринф, Периандр призвал их к себе и спросил, что им известно об Арионе. Корабельщики отвечали, что Арион живет и здравствует где-то в Италии и они-де оставили его в Таранте в полном благополучии. Тогда внезапно появился Арион в том самом одеянии, в каком он бросился в море. Пораженные корабельщики не могли уже отрицать своей вины, так как были уличены. Так рассказывают коринфяне и лесбосцы. А на Тенаре есть небольшая медная статуя — жертвенный дар Ариона, — изображающая человека на дельфине.

25. По окончании войны с милетянами лидиец Алиатт скончался. Царствовал он 57 лет. Исцелившись от своего недуга, царь (вторым из этого царского дома) принес посвятительные дары в Дельфы: большую серебряную чашу для смешивания вина с водой на железной инкру-

²⁶ *Дифирамб* — собственно, культовое прозвище Диониса. Впоследствии слово стало означать торжественную песнь в честь бога или героя. Она пелась под аккомпанемент главным образом флейты.

²⁷ *Νόμος Ορθίος* — напев, мелодия, исполняемая очень высоким голосом.

стированной подставке – одно из самых замечательных приношений в Дельфах работы Главка хиосца (он первый из людей изобрел искусство инкрустировать²⁸ железо).

26. После кончины Алиатта царство перешло к его сыну Крезу²⁹, которому было тогда 35 лет от роду. Первым эллинским городом, на который он напал, был Эфес. Когда Крез осадил Эфес, эфесцы посвятили свой город Артемиде и протянули канат от храма богини к городской стене. Расстояние же между старым городом, который был тогда осажден, и храмом было 7 стадий. Так вот, Крез сначала выступил в поход на эфесцев, а затем по очереди на всех ионян и эолийцев. При этом царь выставлял каждый раз все новые поводы для нападения. Если можно было подыскать важную причину, то выдвигал и более серьезные обвинения, в других же случаях довольствовался даже ничтожными поводами.

27. Покорив азиатских эллинов, Крез заставил их платить дань. Затем он задумал построить флот и напасть на островитян. Когда все уже было готово для постройки кораблей, прибыл в Сарды Биант из Приены (другие же говорят, что Питтак³⁰ из Митилены). Крез спросил пришельца: «Что нового в Элладе?» А тот ответил вот что (чем и отклонил Креза от постройки кораблей): «О царь! Островитяне закупают множество коней, собираясь в поход на Сарды против тебя». Крез думал, что Биант говорит правду, и сказал ему: «О если бы боги только внушили островитянам эту мысль идти на конях против сынов-лидийцев». Биант же, прервав его, сказал: «Царь! Ты, конечно, страстно желаешь, чтобы островитяне со своей конницей попали в твои руки на материке, и к этому у тебя есть все основания. Что же, ты думаешь, желают островитяне, узнав, что ты намерен построить флот против них? Ничего другого, как захватить лидийцев на море и отомстить за порабощение материковых эллинов». Эти слова очень обрадовали Креза. Он нашел заключение вполне правильным и велел прекратить постройку флота³¹. Так-то Крез вступил в дружбу с ионийскими островитянами.

28. С течением времени Крезу удалось подчинить почти все народности по сю сторону реки Галиса, потому что все остальные, кроме киликийцев и ликийцев, были подвластны Крезу. Вот имена этих народностей: лидийцы, фригийцы, мисийцы, мариандины, халибы, пафлагонцы, фракийцы в Финии и Вифинии, карийцы, ионяне, дорийцы, эолийцы и памфилы³².

29. После того как Крез покорил все эти народности и присоединил их к лидийскому царству, в богатые и могущественные Сарды стали стекаться все жившие тогда в Элладе мудрецы (каждый из них – по самым различным побуждениям). Прибыл, между прочим, и афинянин Солон, который дал афинянам по их желанию законы и затем на десять лет уехал из страны. Отплыл Солон якобы с целью повидать свет, а на самом деле для того, чтобы его не вынудили изменить законы. Ведь сами афиняне, связанные торжественными клятвами десять лет хранить данные Солоном законы, не могли их изменить.

30. По этой-то причине, а быть может, и для того, чтобы повидать чужие страны, Солон уехал в Египет к Амасису, а затем – в Сарды к Крезу³³. В Сардах Крез оказал Солону радушный

²⁸ Иначе: «спаивать железо».

²⁹ Для греков Крез – тип царя филэллина, для лидийцев царствование Креза – время расцвета и блеска лидийской державы; в глазах дельфийцев Крез – почитатель авторитета оракула. В рассказе о Крезе соединены две концепции: одна – дельфийская, по которой возмездие за преступления Гигеса падает на пятого потомка – Креза; другая – переносит вину на самого Креза, который навлек на себя «зависть» (или «ревность») богов (ср.: А. И. Доватур. Стил, с. 191).

³⁰ Питтак не мог встретиться с Крезом в 560 г., так как умер в 570 г. до н. э. (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 93).

³¹ Этот рассказ отражает попытку лидийцев заняться морской торговлей и покорить острова (см.: С. Я. Лурье. История, с. 98, примеч. 1).

³² Из отсутствия в этом перечне подвластных Крезу народностей – ликийцев и киликийцев – заключают, что малоазийское побережье Средиземного моря, за исключением Памфилии, было независимо от Креза. Подданными Креза были памфилы, ионяне, эолийцы и дорийцы.

³³ В этом ошибка Геродота, ибо путешествие Солона падает на 594–584 гг., Крез же царствовал с 560 г. до н. э.; поэтому Солон не мог встретиться с Крезом. Посещение Солоном Амасиса (*егип.* Абмосе), который царствовал с 569 по 526 г., также

прием в своем дворце. А потом на третий или четвертый день слуги по приказанию Креза провели гостя по царским сокровищницам и показали ему все огромные царские богатства. После осмотра и любования всем, что заинтересовало гостя, Крез обратился к Солону с таким вопросом: «Гость из Афин! Мы много уже слышали о твоей мудрости и странствованиях, именно, что ты из любви к мудрости и чтобы повидать свет, объездил много стран. Теперь я хочу спросить тебя: “Встретил ли ты уже счастливейшего человека на свете?”». Царь задал этот вопрос в надежде, что гость объявит его самого счастливейшим человеком. Солон же несколько не желал льстить Крезу и сказал правду: «Да, царь, я видел самого счастливого человека. Это – афинянин Телл». Крез очень удивился такому ответу и с нетерпением спросил: «Почему это ты считаешь Телла самым счастливым?» Солон ответил: «Этот Телл жил в цветущее время родного города, у него были прекрасные и благородные сыновья, и ему довелось увидеть, как у всех них также родились и остались в живых дети. Это был по нашим понятиям зажиточный человек. К тому же ему была суждена славная кончина. Во время войны афинян с соседями он выступил в поход и при Элевсине обратил врагов в бегство, но и сам пал доблестной смертью. Афиняне же устроили ему погребение на государственный счет на месте гибели, оказав этим высокую честь».

31. Рассказ Солон о великом счастье Телла возбудил дальнейшее любопытство Креза, и царь спросил его: «Кто же самый счастливый после Телла?», совершенно уверенный, что уж по крайней мере на втором месте Солон укажет его. Но Солон сказал: «После Телла самые счастливые – Клеобис и Битон. Родом из Аргоса, они имели достаточно средств к жизни и к тому же отличались большой телесной силой. Помимо того, что оба они были победителями на атлетических состязаниях, о них рассказывают еще вот что: у аргосцев есть празднество в честь Геры Аргосской. Их мать, [жрицу богини], нужно было обязательно привезти на повозке в святилище богини. Однако быки их не успели вернуться с поля. Медлить было нельзя, и юноши сами впряглись в ярмо и потащили повозку, в которой ехала их мать. 45 стадий пробежали они и прибыли в святилище. После этого подвига, совершенного на глазах у всего собравшегося на праздник народа, им суждена была прекрасная кончина. И божество дало ясно этим понять, что смерть для людей лучше, чем жизнь. Аргосцы, обступив юношей, восхваляли их силу, а женщины – их мать за то, что она обрела таких сыновей. Мать же, возрадовавшись подвигу сыновей и народной молве о них, стала перед кумиром богини и молилась даровать ее сыновьям Клеобису и Битону, оказавшим ей столь великий почет, высшее благо, доступное людям. После этой молитвы и жертвоприношения и пиршества юноши заснули в самом святилище и уже больше не вставали, но нашли там свою кончину. Аргосцы же велели поставить юношам статуи и посвятить в Дельфы за то, что они проявили высшую доблесть».

32. Когда Солон объявил этих юношей на втором месте по счастью, Крез в гневе сказал ему: «Гость из Афин! А мое счастье ты так ни во что не ставишь, что даже не считаешь меня наравне с этими простыми людьми?» Солон отвечал: «Крез! Меня ли, который знает, что всякое божество завистливо и вызывает у людей тревоги, ты спрашиваешь о человеческой жизни? За долгую жизнь много можно увидеть и многое пережить. Пределом человеческой жизни я считаю 70 лет. Эти 70 лет составляют 25 200 дней без вставного месяца. Но если к каждому второму году прибавлять еще по месяцу, чтобы времена года [в соответствии с календарными месяцами] наступали в свое надлежащее время, то за 70 лет вставных месяцев наберется 35, а дней получается из этих месяцев 1050. И из всех дней, приходящихся на 70 лет, т. е. из 26 250 дней, нет ни одного совершенно похожего на другой: каждый день несет новые события. Итак, Крез, человек – лишь игральное случая. Я вижу, что ты владеешь великими богатствами и повелеваешь множеством людей, но на вопрос о твоем счастье я не умею ответить, пока не узнаю, что жизнь твоя окончилась благополучно. Ведь обладатель сокровищ не счастливее

[человека], имеющего лишь дневное пропитание, если только счастье не сопутствует ему и он до конца жизни не сохранит своего богатства. Поэтому многие даже очень богатые люди, несмотря на их богатство, несчастливы, и, наоборот, много людей умеренного достатка счастливы. Богатый, но несчастливый человек имеет лишь два преимущества перед счастливым умеренного достатка, а этот последний превосходит его во многом: один в состоянии легче удовлетворять свои страсти и скорее перенесет тяжкие удары судьбы, а другой хотя и не может одинаково с ним терпеть невзгоды, но все же превосходит его в следующем: именно, что счастье оберегает его, так как он человек, лишенный телесных недостатков и недугов, беспорочный, счастливый в своих детях и благообразный. Если же, кроме того, ему еще предназначена судьбой блаженная кончина, то это и есть тот, о ком ты спрашиваешь, – человек, достойный именоваться блаженным. Но пока человек не умрет, воздержись называть его блаженным, но [называй его] лучше удачливым. Однако одному человеку получить все эти блага зараз невозможно: так же как и никакая земля не производит всего, что необходимо, но одна – только одно, а другая – другое; самая же лучшая земля – это та, что обладает наибольшими благами. Так и ни одно человеческое тело не производит все из себя, потому что одно [достоинство] у нас есть, а другого не хватает. Но тот, что постоянно обладает наибольшим количеством благ и затем счастливо окончит жизнь, тот, царь, в моих глазах, вправе называться счастливым. Впрочем, во всяком деле нужно иметь в виду его исход, чем оно кончится. Ведь уже многим божество [на миг] даровало блаженство, а затем окончательно их погубило».

33. Эти слова Солон были, как я думаю, не по душе Крезу, и царь отпустил афинского мудреца, не обратив на его слова ни малейшего внимания. Крез счел Солон совершенно глупым человеком, который, пренебрегая счастьем настоящего момента, всегда советует ждать исхода всякого дела.

34. Вскоре после отъезда Солон страшная кара божества постигла Креза, вероятно, за то, что тот считал себя самым счастливым из смертных. Крез заснул, и тотчас предстало ему сновидение, которое провозвестило беду его сыну. А было у Креза два сына: один из них был калека, глухонемой; другой же по имени Атис³⁴ далеко превосходил своих сверстников [доблестью]. Сновидение предсказало Крезу, что Атис погибнет, пораженный насмерть железным копьем. Когда Крез, пробудившись, пришел в себя, то в ужасе от сновидения решил, женив сына, впредь никогда больше не отпускать в поход, хотя обычно на войне тот был во главе лидийцев. Царь приказал также вынести из мужского покоя дротики, копья и другое подобное оружие и сложить во внутренних женских покоях, чтобы никакое висящее [на стене] оружие не упало на сына.

35. Когда Крез был занят свадьбой сына, прибыл в Сарды некий фригиец царского рода. Его постигла страшная беда, а именно: он запятнал себя кровопролитием. Пришелец явился во дворец Креза и просил очистить его [от скверны] по местному обычаю очистительным обрядом. И Крез очистил его. Этот очистительный обряд у лидийцев такой же, как у эллинов³⁵. После очищения Крез спросил чужестранца, кто он и откуда, сказав: «Чужестранец! Кто ты и из какого места Фригии пришел искать защиты к моему очагу? Кого убил ты, мужчину или женщину?» А тот отвечал: «Царь! Я – сын Гордия, сына Мидаса, а зовут меня Адрастом. Я нечаянно убил своего брата; мой отец изгнал меня, и вот теперь я прихожу к тебе лишенный всего». А Крез отвечал ему так: «Ты – потомок друзей и пришел к друзьям. Оставайся у нас, и

³⁴ Имя Атис встречается в древнефригийских надгробных надписях в форме Атес.

³⁵ Очистительный обряд у греков состоял в следующем: руки убийцы обливали кровью животного (поросенка) и затем обтирали в знак освобождения от кровавого греха; потом божество умиляли жертвами и молитвами (В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. Ч. II. СПб., 1899. С. 78). «Скверна», лежащая на убийце (по-гречески *μίασμα*, мыслилась в виде живого существа), поражает прежде всего родичей, а затем распространяется на весь город, заражая его (см.: С. Я. Лурье. История, с. 89).

у тебя не будет ни в чем нужды. И чем легче ты будешь переносить твоё несчастье, тем будет лучше для тебя». Так-то чужеземец остался жить во дворце Креза.

36. В то время на Мисийском Олимпе обитал огромный вепрь. Он спустился с этой горы и опустошал нивы мисийцев. Мисийцы то и дело устраивали охоту на зверя, но не могли причинить ему вреда, и им самим даже приходилось еще терпеть от него. Наконец, к Крезу пришли вестники от мисийцев и сказали так: «Царь! В нашей земле появился огромный вепрь, который опустошает наши нивы. При всем старании мы не можем его поймать. Поэтому просим послать твоего сына к нам с отборным отрядом воинов и сворой собак избавить нашу землю от этой напасти». Так они просили, а Крез, помня о вешнем сне, ответил им: «О сыне моем вы и не помышляйте: я не могу отпустить его с вами, он ведь новобрачный и теперь у него медовый месяц. Но все же я отправлю с вами отборный отряд лидийцев со сворой охотничьих собак и велю им постараться избавить вашу землю от этого зверя».

37. Так отвечал им Крез, и мисийцы остались довольны. Тогда пришел сын Креза, услышав о просьбе мисийцев. Когда царь отказался отпустить сына, то юноша сказал отцу так: «Отец! Самым высшим и благородным удовольствием прежде было для меня и для тебя отличиться в походе или на охоте. А теперь ты запрещаешь мне и то и другое, хотя никогда ты не замечал во мне ни трусости, ни малодушия. Какими глазами будут глядеть на меня люди, когда я пойду в народное собрание и оттуда домой? Что подумают обо мне сограждане и что станет думать моя молодая жена о человеке, с которым ей предстоит жить? Поэтому или позволь мне идти на охоту, или по крайней мере приведи разумные доводы, что так поступить будет действительно лучше для меня». Крез же отвечал сыну так:

38. «Сын мой! Я поступаю так не оттого, что заметил за тобой трусость или какой-либо другой неблагоприятный поступок. Явилось мне сновидение и предрекло, что ты будешь недолговечен и погибнешь от железного копья. Из-за этого-то сновидения я и поспешил с твоей свадьбой и теперь запрещаю тебе участвовать в подобных предприятиях, чтобы избавить тебя от таких опасностей, по крайней мере [хоть на время], пока я жив. Ведь ты у меня единственный сын (второго сына, глухонемого калеку, я не считаю)».

39. Юноша же отвечал: «Я не хочу, отец, винить тебя, что ты из-за этого видения оберегаешь меня. Но ты неверно понял сон, и я должен тебе объяснить его. Ты говоришь, что сновидение предсказало тебе мою кончину от железного копья. А разве у вепря есть руки или железное копье, которое тебя страшит? Ведь если бы было предсказано, что я погибну от клыков вепря или от чего-либо подобного, тогда ты поступал бы правильно. Но сновидение говорит – от копья. И так как мы теперь идем не против людей, то отпусти меня!»

40. Крез отвечал: «Сын мой! Твои слова о сновидении меня как-то убедили, и я отпускаю тебя на охоту».

41. Затем царь велел призвать фригийца Адраста и сказал ему так: «Адраст! Я очистил тебя от тяжелой беды, в которую ты попал, за что я не упрекаю тебя, принял в свой дом и обеспечил всем необходимым. Поэтому твой долг отплатить мне добром за добро, которое я тебе сделал. Я прошу тебя ныне быть стражем моего сына, который отправляется на охоту, чтобы разбойники внезапно по дороге не напали на погибель вам. Кроме того, тебе также следует отправиться в этот поход, чтобы добыть себе славу. Ведь у тебя жажда славы от предков, и к тому же ты полон юношеской силы».

42. Адраст отвечал: «Царь! При других обстоятельствах я не стал бы участвовать в таком трудном предприятии. Ведь мне, испытавшему столь ужасное несчастье, не подобает искать общения с счастливыми сверстниками. У меня нет даже стремления к этому, и я по разным соображениям удерживал себя от такого общения. А теперь, раз уж ты настаиваешь и мне приходится тебе угождать (ведь мой долг отплатить тебе за добро), я готов сделать это. Сын твой, которого ты доверяешь мне охранять, возвратится к тебе здоровым и невредимым, поскольку это зависит от меня как защитника».

43. После этого они выступили на охоту с отборными воинами и сворами [охотничьих] псов. Прибыв к горе Олимпу, охотники принялись выслеживать зверя. Найдя затем вепря, они окружили его и стали метать свои дротики. Тут метнул копье в вепря и чужеземец Адраст, который только что был очищен от пролития крови, но промахнулся и попал в Крезова сына. Юноша был поражен копьем: так-то исполнилось пророчество вещего сна. Тотчас же был послан вестник в Сарды сообщить Крезу о случившемся, и по прибытии в Сарды он рассказал царю о борьбе с вепрем и об участии сына.

44. А Крез был глубоко опечален смертью сына. Особенно же горько было царю то, что сына убил именно тот человек, кого он сам очистил от пролития крови. Подавленный горем, царь стал призывать Зевса Катарсия в свидетели причиненного ему чужеземцем страдания. Он взывал также к Зевсу Эфестию и Зевсу Этерию (Крез призывал одного и того же бога, именуя его то Эфестием, потому что принял в свой дом чужеземца, не подозревая в нем убийцу своего сына, то Этерием, потому что тот, кого он поставил стражем сына, оказался злейшим врагом).

45. Затем прибыли лидийцы с телом покойного сына Креза. За ними последним шел убийца. Адраст остановился перед телом и отдал себя во власть Креза. Простирая вперед руки, он требовал заколоть его как жертву над телом покойного. По его словам, после первой своей беды теперь, когда он погубил еще и сына своего очистителя, жизнь ему стала больше невыносимой. Крез услышал это и почувствовал жалость к Адрасту, хотя его собственное горе было тяжело. Он сказал ему: «Чужеземец! Я получил от тебя полное удовлетворение: ведь ты сам осуждаешь себя на смерть. Не ты виноват в моем несчастье, поскольку ты невольный убийца, а какой-то бог, который давно уже предвозвестил мне определенное роком». Затем Крез предал тело своего сына погребению по местным обычаям. Адраст же, сын Гордия, внук Мидаса, убийца собственного брата и затем убийца [сына] своего очистителя, когда [близкие покойного разошлись] и у могилы воцарилось спокойствие, заколол себя на могильном кургане: он чувствовал себя самым несчастным из всех людей, которых ему пришлось знать.

46. Два года Крез глубоко скорбел, опечаленный потерей сына. После этого Кир, сын Камбиса, сокрушил царство Астиага, сына Киаксара. Возвышение персидской державы положило конец печали Креза и внушило ему тревожные думы, нельзя ли как-нибудь сломить растущую мощь персов, пока они не стали слишком могущественны. Для этого Крез тотчас стал испытывать оракулы в Элладе и Ливии, рассылая послов по разным местам. Одних он отправил в Дельфы, других в Абы, что в Фокиде, третьих в Додону; иные были посланы также к Амфиараю и к Трофонию и, наконец, в Бранхиды в Милетской области. Это были эллинские прорицалища, куда Крез послал спросить оракулов. Впрочем, он отправил послов также к оракулу Аммона в Ливии. Царь хотел сначала испытать проницательность оракулов. Затем если обнаружится их правдивость, то полагал снова отправить послов с вопросом: «Идти ли мне войной на персов?»

47. Итак, царь послал лидийцев для испытания оракулов с таким приказанием: со дня отправления из Сард они должны отсчитывать время и на сотый день спросить оракулы: «Что теперь делает царь лидийцев Крез, сын Алиатта?» Ответы каждого оракула на этот вопрос послы должны записать и доставить ему. Об ответах прочих оракулов ничего не сообщается. По прибытии же лидийцев в Дельфы они вступили в священный покой, чтобы спросить бога о том, что им было велено. А Пифия изрекла им такой ответ стихами в шестистопном размере:

Числю морские песчинки и ведаю моря просторы,
Внятен глухого язык и слышны мне речи немого.
В грудь мою запах проник облаченной в доспех черепахи,
В медном варимом котле меж кусками бараньего мяса.
Медь распростерта под ней и медною ризой покрыта.

48. Это изречение Пифии лидийцы записали и затем возвратились в Сарды. Когда же прибыли и остальные послы с изречениями оракулов, Крез развернул свитки и стал читать. Ни одно прорицание, однако, не удовлетворило царя, и только услышав ответ дельфийского оракула, Крез отнесся к нему с благоговейным доверием. По словам царя, единственно правдивый оракул – это дельфийский, так как он угадал, чем он, Крез, был занят тогда один, без свидетелей. Отправив послов к оракулам, царь выждал назначенный день и замыслил вот что (его выдумку никак нельзя было открыть или о ней догадаться). Он разрубил черепаху и ягненка и сам сварил их вместе в медном котле, а котел накрыл медной крышкой.

49. Таково было дельфийское прорицание Крезу. Что до ответа оракула Амфиарая, то я не могу сказать, что именно изрек лидийцам этот оракул, когда те прибыли к его святилищу и по обычаю спросили (об этом ведь ничего не сообщается). Мне известно только, что Крез признал правдивым прорицание и этого оракула.

50. После этого Крез стал умиловать дельфийского бога пышными жертвами. Так, он приказал принести в жертву 3000 голов отборного скота каждой породы и затем, воздвигнув огромный костер, сжечь на нем выложенные золотом и серебром лежа, серебряные чаши и пурпурные одежды. Этим царь надеялся добиться больше милостей у бога. [На этом костре] царь также повелел всем лидийцам приносить жертвы из своего имущества. Затем Крез приказал переплавить несметное количество золота и изготовить из него слитки [в виде] полукирпичей, 6 ладоней в длину, шириной в 3 ладони, высотой же в 1 ладонь. [Общее] число полукирпичей было 117; из них 4 – из чистого золота, весом $2\frac{1}{2}$ таланта каждый; другие полукирпичи – из сплава с серебром, весом 2 таланта. После этого царь велел отлить из чистого золота статую льва весом в 10 талантов. Впоследствии во время пожара святилища в Дельфах лев этот упал с [подставки из] полукирпичей, на которых он был установлен. И поныне еще стоит этот лев в сокровищнице коринфян, но вес его теперь только $6\frac{1}{2}$ талантов, так как $3\frac{1}{2}$ таланта расплавились при плавке.

51. После изготовления Крез отослал эти предметы в Дельфы и вместе еще несколько других, а именно: две огромные чаши для смешивания вина – золотую и серебряную. Золотая чаша стояла в святилище как войдешь направо, а серебряная – налево. После пожара чаши были также переставлены на другое место. Золотая чаша стоит теперь в сокровищнице клазоменян (вес ее $8\frac{1}{2}$ талантов и 12 мин), а серебряная в углу в притворе храма. Вмещает она 600 амфор. Чашу эту дельфийцы наполняют вином с водой на празднике Феофаний. Как утверждают в Дельфах, чаша эта – изделие Феодора из Самоса. И я тоже так думаю, так как она, видимо, на редкость чудесной работы. Потом царь отослал в Дельфы 4 серебряных сосуда, которые стоят [ныне] в сокровищнице коринфян, и 2 кропильницы – золотую и серебряную. На золотой кропильнице начертана надпись, гласящая: «Посвятительный дар лакедемонян». Это, однако, неверно: ведь эти кропильницы – посвятительный дар Креза. Надпись же на ней вырезал какой-то дельфиец, желая угодить лакедемонянам. Я знаю имя этого человека, но не хочу называть. Только [статуя] мальчика, через руку которого течет вода [в кропильницы] – приношение лакедемонян, но ни та, ни другая из кропильниц. Вместе с этими Крез послал много и других даров без надписей. Среди них круглые чаши для возлияний, а также золотая статуя женщины в 3 локтя высотой (по словам дельфийцев, она изображает женщину, выпекавшую царю хлеб)³⁶. Крез пожертвовал также ожерелья и пояса своей супруги.

52. Эти-то дары Крез послал в Дельфы; Амфиарая же, о деяниях и судьбе которого ему пришлось слышать, царь посвятил в дар щит целиком из золота и копье, древко и наконечник которого были также из чистого золота. Эти оба предмета еще и поныне находятся в Фивах в святилище Аполлона Исмения.

³⁶ Эта женщина раскрыла покушение мачехи Креза погубить его отравленным хлебом.

53. Затем Крез повелел лидийцам, отвозившим дары в святилища, спросить оракулы, следует ли ему идти войной против персов и искать для этого союзников. По прибытии же в святилище послы передали приношения и затем спросили оракул в таких словах: «Крез, царь лидийцев и других народов, считая, что здесь он получил единственно правдивые на свете прорицания, послал вам эти дары как достойное вознаграждение за то, что вы разгадали его замысел. Теперь царь спрашивает вас: выступать ли ему в поход на персов и искать ли для этого союзников». Так вопрошали послы, а оба оракула дали одинаковый ответ и объявили Крезу: если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство. Оракулы также советовали царю отыскать самый могущественный эллинский город и заключить с ним союз³⁷.

54. А Крез, получив прорицания оракулов и узнав их содержание, чрезвычайно обрадовался. Теперь царь твердо уповал, что сокрушит царство Кира. Затем Крез вновь отправил посольство в Пифо с дарами всему дельфийскому народу, узнав его численность: каждый дельфиец получил по 2 золотых статера. За это дельфийцы предоставили Крезу и лидийцам право первыми вопрошать оракул, свободу от пошлин и налогов и почетные места [на Пифийских играх] и, кроме того, каждый лидиец получил еще право гражданства в Дельфах на вечные времена³⁸.

55. Одарив дельфийцев, Крез в третий раз обратился к оракулу (ведь царь убедился теперь в правдивости оракула и стал даже слишком часто вопрошать его). На этот раз Крез спросил, долго ли будет существовать его держава. Пифия же изрекла ему вот какой ответ:

Коль над мидянами мул царем когда-либо станет,
Ты, нежноногий лидиец, к обильному галькою Герму
Тут-то бежать торопись, не стыдись малодушным казаться.

56. Когда эти слова сообщили Крезу, царь весьма обрадовался. Он полагал, что никогда, конечно, вместо человека мул не будет царствовать над мидянами и поэтому власть навсегда останется в его доме. Затем Крез принялся разыскивать самое могущественное эллинское племя, чтобы вступить с ним в союз. Из расспросов же царь узнал, что самые выдающиеся из эллинов – это лакедемоняне и афиняне. Первые – среди дорийского племени, а вторые – среди ионийского. Это были два наиболее значительных тогда эллинских племени. Так, ионяне первоначально были пеласгийского происхождения, а дорийцы – эллинского. Ионийское племя никогда не покидало своей земли, дорийское же – очень долго странствовало. Ибо во времена царя Девкалиона оно обитало в земле Фтиотида, а затем при Доре, сыне Эллина, – у подошвы Оссы и Олимпа, в области под названием Гистиеотида. После изгнания из Гистиеотиды кадмейцами дорийцы поселились у Пидна и назывались теперь македнами. Отсюда это племя снова переселилось в Дриопиду, а оттуда прежде всего в Пелопоннес, где и приняло имя дорийцев.

57. На каком языке говорили пеласги, я точно сказать не могу. Если же судить по теперешним пеласгам, что живут севернее тирсенов в городе Крестоне (они некогда были соседями племени, которое ныне называется дорийцами, и обитали тогда в стране, теперь именуемой Фессалиотидой), и затем – по тем пеласгам, что основали Плакию и Скиллак на Геллеспонте и оказались соседями афинян, а также и по тем другим городам, которые некогда были пеласгическими, а позднее изменили свои названия. Итак, если, скажу я, из этого можно вывести заключение, то пеласги говорили на варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению,

³⁷ Руководящая роль Лидии в малоазийской торговле и щедрые дары Креза в дельфийский храм были причиной того, что дельфийские жрецы прославляли царя как любимца богов и толкнули на борьбу с Персией, предвещая победу. После же покорения Лидии Дельфы изменили свою политику и советовали грекам не сопротивляться персам (см.: С. Я. Лурье. История, с. 184).

³⁸ Этот почетный декрет взят Геродотом из документального источника (см.: А. И. Доватур. Стил, с. 28, 30).

также должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов. Ведь еще и поныне жители Крестона и Плакии говорят на другом языке, не похожем на язык соседей. Это доказывает, что они еще и теперь сохраняют своеобразные черты языка, который они принесли с собой после переселения в эти края.

58. Что до эллинского племени, то оно, по-моему, с самого начала всегда говорило на одном и том же языке. До своего объединения с пеласгами эллины были немногочисленны. Из такого довольно скромного начала они численно возросли и включили в себя множество племен, главным образом оттого, что к ним присоединились пеласги и много других чужеземных племен. Итак, по крайней мере до соединения с эллинами, как я думаю, племя пеласгов, пока оно было варварским, так никогда и не стало значительной народностью.

59. Из этих двух народов, как я узнал, аттический народ был расколот и подавлен междоусобными смутами. Писистрат, сын Гиппократ, в то время был тираном в Афинах. Этому-то Гиппократу, когда он как простой гражданин присутствовал на Олимпийских играх, было явлено великое знамение: при жертвоприношении стоявшие там котлы с мясом и водой закипели без огня и вода полилась через край. Лакедемонянин Хилон, как раз случившийся при этом и видевший знамение, дал совет Гиппократу прежде всего не брать себе в дом жену, рожающую детей. А если он уже женат, то отпустить жену; если даже у него есть сын, – то отказаться от сына. Гиппократ же отверг совет Хилона. После этого у него родился сын – упомянутый выше Писистрат. У афинян же шли в то время распри между обитателями побережья (предводителем их был Мегакл, сын Алкмеона) и равнинными жителями (во главе с Ликургом, сыном Аристолаида). Писистрат, тогда уже помышлявший о тирании, создал третью партию. Он набрал приверженцев и, открыто став вождем партии гиперакриев³⁹, придумал вот какую хитрость. Он изранил себя и своих мулов и затем въехал на повозке на рыночную площадь, якобы спасаясь от врагов, которые хотели его избить, когда он ехал по полю. Писистрат просил народ дать ему охрану. Он уже ранее отличился как полководец в войне с мегарцами, завоевав Нисею и совершив другие замечательные подвиги. Народ же афинский позволил себя обмануть, предоставив ему телохранителей из числа горожан: они были у Писистрата не копьеносцами, а дубинщиками, сопровождая его с деревянными дубинами. Во главе с Писистратом они-то и восстали и захватили акрополь. Тогда Писистрат стал владыкой афинян. Он не нарушил, впрочем, порядка государственных должностей и не изменил законов, но управлял городом по существующим законоустановлениям, руководя государственными делами справедливо и дельно.

60. Вскоре, однако, после этого приверженцы Мегакла⁴⁰ и Ликурга объединились и изгнали Писистрата. Таким-то образом Писистрат в первый раз овладел Афинами и так лишился своей тирании, которая еще не глубоко укоренилась. Между тем враги Писистрата, изгнавшие его, вновь начали распри между собой. Попав в затруднительное положение, Мегакл послал вестника к Писистрату. Он предложил ему свою дочь в жены и в приданое – тиранию. Писистрат принял предложение, согласившись на эти условия. Для возвращения Писистрата они придумали тогда уловку, по-моему, по крайней мере весьма глупую. С давних пор, еще после отделения от варваров, эллины отличались бо́льшим по сравнению с варварами благоразумием и свободой от глупых суеверий, и все же тогда эти люди [Мегакл и Писистрат] не постеснялись разыграть с афинянами, которые считались самыми хитроумными из эллинов, вот какую штуку⁴¹. В Пеонийском деде⁴² жила женщина по имени Фия ростом в 4 локтя без

³⁹ Иначе диакриев. Писистрат опирался на крестьян, жителей северо-восточной Аттики. Вся экономическая политика Писистрата была направлена на защиту интересов беднейшего крестьянства (С. Я. Лурье. История, с. 154).

⁴⁰ Мегакл – глава афинского знатного рода Алкмеонидов – стоял во главе городских ремесленников и торговцев. Алкмеониды имели основные торговые интересы в Малой Азии и потому были сторонниками персифильской политики (С. Я. Лурье. История, с. 159).

⁴¹ Геродот и Аристотель видели в триумфальном вступлении Писистрата в Афины с девушкой, изображавшей богиню

трех пальцев и вообще весьма пригожая. Эту-то женщину в полном вооружении они поставили на повозку и, показав, какую она должна принять осанку, чтобы казаться благопристойной, повезли в город. Затем они отправили вперед глашатаев, которые, прибыв в город, обращались по их приказанию к горожанам с такими словами: «Афиняне! Примите благосклонно Писистрата, которого сама Афина почитает превыше всех людей и возвращает теперь из изгнания в свой акрополь!» Так глашатаи кричали, обходя улицы, и тотчас по всем демам прошел слух, что Афина возвращает Писистрата из изгнания. В городе все верили, что эта женщина действительно богиня, молились смертному существу и приняли Писистрата.

61. Придя таким образом снова к власти, Писистрат по уговору с Мегаклом взял себе в жены его дочь. Но так как у него были уже взрослые дети, а род Алкмеонидов, к которому принадлежал Мегакл, как считали, был поражен проклятием, то Писистрат не желал иметь детей от молодой жены⁴³ и потому общался с ней неестественным способом. Сначала жена скрывала это обстоятельство, а потом рассказала своей матери (в ответ на ее вопросы или же по собственному почину), а та – своему мужу. Мегакл же пришел в страшное негодование за то, что Писистрат так его обесчестил. В гневе он снова примирился со своими [прежними] сторонниками. А Писистрат, узнав, что затевается против него, удалился из города и вообще из Аттики⁴⁴. Прибыв в Эретрию, он стал совещаться со своими сыновьями. Верх одержало мнение Гиппия о том, что следует попытаться вновь овладеть верховной властью. Тогда они [Писистрат и сыновья] стали собирать добровольные даяния от городов, которые были им чем-либо обязаны. Многие города предоставили Писистрату большие суммы денег, но фиванцы превзошли всех денежными дарами. Одним словом, через некоторое время после этого все было готово для их возвращения в Афины. И действительно, из Пелопоннеса прибыли аргосские наемники, из Наксоса также приехал добровольно ревностный приверженец [Писистрата] по имени Лигдамид с деньгами и людьми.

62. Так вот, Писистрат и его сторонники выступили из Эретрии и на одиннадцатом году своего изгнания снова прибыли в Аттику⁴⁵. Первое место, которое они захватили там, был Марафон. Во время их стоянки [в Марафоне] к ним присоединились не только сторонники из [самого] города Афин, но также стали стекаться и другие люди из демов, которым тирания была больше по душе, чем теперешняя свобода. Так [тиран и его сторонники] собирали свои силы. Афиняне же в городе вовсе не думали о Писистрате, пока тот только собирал средства, и даже после занятия Марафона. Услышав о выступлении Писистрата из Марафона на Афины, только теперь горожане двинулись против него. Все городское ополчение вышло против возвратившихся изгнанников. Когда Писистрат со своими людьми, выйдя из Марафона, напал на Афины, оба войска сошлись у святилища Афины Паллены и там расположились станом друг против друга. Тут-то предстал Писистрату прорицатель Амфилит⁴⁶ из Акарнании и по божественному внушению изрек ему в шестистопном размере следующее пророчество:

Брошен уж невод широкий, и сети раскинуты в море,
Кинутся в сети тунцы среди блеска лунного ночи.

Афину Эргану (покровительницу городских ремесленников), простое одурачивание афинян. В действительности же актер, игравший роль бога, воспринимался как воплощение бога (см.: С. Я. Лурье. История, с. 152).

⁴² Демы – округа в Аттике.

⁴³ Писистрат не желал иметь детей от дочери Мегакла, чтобы не навлечь на свое потомство родовое проклятие, тяготевшее над Алкмеонидами (см.: С. Я. Лурье. История, с. 152, примеч. 2).

⁴⁴ Обычно принимают двукратное изгнание Писистрата, но теперь большинство ученых считает, что здесь имеем дело с дублированием одного и того же изгнания (см.: С. Я. Лурье. История, с. 151, примеч. 3).

⁴⁵ Возможно, что число лет изгнания Писистрата Геродот взял из городской хроники Афин.

⁴⁶ Прорицатели пользовались в то время в Афинах большим влиянием.

63. Такое предсказание изрек вдохновенный прорицатель. А Писистрат понял смысл изречения и, объявив, что принимает оракул⁴⁷, повел свое войско на врага. Афинские же горожане как раз в это время дня завтракали, а после завтрака одни занялись игрой в кости, а другие легли спать. Тогда Писистрат с войском напал на афинян и обратил их в бегство. Когда противники убежали, Писистрат придумал хитрый способ, чтобы воспрепятствовать бегущим вновь собраться и чтобы заставить войско рассеяться. Он велел своим сыновьям скакать на конях вперед. Настигая бегущих, сыновья Писистрата предлагали от имени отца ничего не бояться и разойтись всем по домам.

64. Афиняне так и сделали. Таким-то образом Писистрат в третий раз завладел Афинами. Он упрочил свое господство сильными отрядами наемников и денежными сборами как из самих Афин, так и из области на реке Стримоне⁴⁸. Он взял затем заложниками сыновей тех афинян, которые сопротивлялись и не сразу бежали, и переселил их на Наксос (Писистрат завоевал Наксос и отдал его во владение Лигдамиду). Кроме того, он «очистил» по повелению оракула остров Делос. А сделал Писистрат это вот как: он велел выкопать всех покойников, погребенных в пределах видимости, из храма и перенести отсюда в другую часть Делоса⁴⁹. И Писистрат стал тираном в Афинах; что же до афинян, то одни [его противники] пали в борьбе, а другим вместе с Алкмеонидами пришлось уйти в изгнание из родной земли.

65. Таково было в то время положение дел в Афинах. Напротив, лакедемоняне, как узнал Крез, избежали великих бедствий и теперь уже одолели тегейцев. Ведь при спартанских царях Леонте и Гегесикле лакедемоняне побеждали во всех других войнах, но только в одной войне с тегейцами терпели поражение. Прежде у лакедемонян были даже почти что самые дурные законы из всех эллинов, так как они не общались ни друг с другом, ни с чужеземными государствами. Свое теперешнее прекрасное государственное устройство они получили вот каким образом. Ликург, знатный спартанец, прибыл в Дельфы спросить оракул. Когда он вступил в святилище, Пифия тотчас же изрекла ему вот что:

Ты притек, о Ликург, к дарами обильному храму,
Зевсу любезный и всем на Олимпе обитель имущим,
Смертный иль бог ты? Кому изрекать прорицанье должна я?
Богом скорее, Ликург, почитать тебя нужно бессмертным.

По словам некоторых, Пифия, кроме этого предсказания, предрекла Ликургу даже все существующее ныне спартанское государственное устройство. Но, как утверждают сами лакедемоняне, Ликург принес эти нововведения [в государственный строй] Спарты из Крита. Он был опекуном своего племянника Леобота, царя Спарты. Как только Ликург стал опекуном царя, то изменил все законы и строго следил, чтобы их не преступали. Затем он издал указы о разделении войска на эномотии⁵⁰, установил триакады⁵¹ и сисситии⁵². Кроме того, Ликург учредил должность эфоров⁵³ и основал совет старейшин [геронтов]⁵⁴.

⁴⁷ Предсказание оракула (или прорицателя) не всегда безусловно исполняется: его можно принять или отвергнуть. Так, Писистрат принимает прорицание Амфилита, т. е. это значит, что он нашел правильное его истолкование. Напротив, Гиппарх в ночь перед убийством, увидев сон, предсказавший ему несчастье, отверг предсказание, т. е. старался неправильно его понять (см.: *M. P. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion*. I. Munchen, 1955. S. 165).

⁴⁸ Здесь имеются в виду доходы с серебряных лаврийских рудников в Аттике и с рудников на р. Стримоне во Фракии (у Эйона и Амфиполя).

⁴⁹ «Очищение» о. Делоса, национальной святыни ионийского племени, Писистрат произвел, чтобы снискать милость дельфийского бога, который (в лице жрецов) санкционировал его владычество в Афинах.

⁵⁰ Эномотии в спартанском войске – подразделение из 25–36 человек, связанных взаимной клятвой.

66. Так-то лакедемоняне переменили свои дурные законы на хорошие, а после кончины Ликурга воздвигли ему храм и ныне благоговейно его почитают. Так как они жили в плодородной стране с многочисленным населением, то скоро достигли процветания и изобилия. И действительно, они уже больше не довольствовались миром: убедившись в превосходстве над аркадцами, лакедемоняне спросили дельфийский оракул: могут ли они завоевать всю Аркадскую землю. Пифия же изрекла им в ответ вот что:

Просишь Аркадию всю? Не дам тебе: многого хочешь!
Желудоядцев-мужей обитает в Аркадии много,
Кои стоят на пути. Но похода все ж не возбраняю.
Дам лишь Тегею тебе, что ногами истоптана в пляске,
Чтобы плясать и поля ее тучные мерить веревкой.

Лакедемоняне, услышав такой ответ оракула, оставили все другие города Аркадии и пошли войной на тегейцев. С собой они взяли оковы в упование хотя и на двусмысленный [ответ] оракула, так как твердо рассчитывали обратить в рабство тегейцев. В битве, однако, лакедемоняне потерпели поражение, и на тех, кто попал в плен к врагам, были наложены [те самые] оковы, которые они принесли с собой: пленники, как рабы, должны были, отмерив участок поля тегейцев мерной веревкой, обрабатывать его. Оковы же эти, наложенные на [лакедемонских] пленников, еще до сего дня сохранились в Тегее и висят на стенах храма Афины Алеи.

67. Так вот, в прежних войнах с тегейцами лакедемоняне постоянно терпели неудачи. Однако во времена Креза, когда царями Лакедемона были Анаксандрид и Аристон⁵⁵, спартанцы наконец одержали верх над ними, и вот как это произошло⁵⁶. Из-за своих постоянных поражений лакедемоняне отправили послов в Дельфы спросить [оракул], какое божество им следует умиловить для победы над тегейцами. Пифия дала ответ: они должны перенести в Спарту останки Ореста, сына Агамемнона, [и тогда] одолеют тегейцев. Однако спартанцы не могли отыскать могилы Ореста, и [им пришлось] вновь отправить послов в Дельфы спросить бога: «Где погребен Орест?» На вопрос послов Пифия ответила вот что:

Есть в Аркадии град Тегея на низкой равнине.
Веют там ветры (их два), гонимые силой могучей.
[Слышен] удар, отраженный ударом, и беда возлежит
над бедою...
Сын там Атрида сокрыт земли жизнетворной на лоне.
Прах его перенесешь и станешь владыкой Тегеи.

⁵¹ *Триакады* – подразделения из 30 человек.

⁵² *Сисситии* – совместные трапезы у спартанцев.

⁵³ *Эфоры* – коллегия из 5 человек, выбиравшаяся на один год. Первоначально они выполняли, по-видимому, судебские функции, а позднее – функции надзора и контроля. Они узурпировали даже часть царской власти.

⁵⁴ *Совет старейшин* (или герусия) – из 28 членов. Вместе с двумя царями совет был высшим органом власти в Спарте.

⁵⁵ Соответственно делению дорийцев на два племени – гиллеев и диманов у них было два вождя (царя), которые стояли во главе двух отрядов войска.

⁵⁶ Описываемые здесь события падают, вероятно, на вторую половину VI в. до н. э.

Однако и после этого ответа оракула лакедемоняне все-таки не могли найти могилы, несмотря на все усилия, пока не нашел ее Лих, один из так называемых агатоергов⁵⁷ в Спарте. Эти-то агатоерги – старейшие граждане числом пять – ежегодно выходят из сословия всадников. В течение того года, когда они выходят из всаднического сословия, они должны быть наготове постоянно выполнять обязанности послов в разных местах для Спарты.

68. Среди этих-то людей был некто Лих. Он и отыскал в Тегее [могилу Ореста], отчасти случайно, отчасти хитростью. В то время у лакедемонян с тегейцами было перемирие. Лих зашел в кузницу посмотреть, как куют железо, и дивился искусству [кузнеца]. Кузнец заметил его удивление и, прекратив работу, сказал: «Друг-лаконец! Ты дивишься, как искусно обрабатывают железо. Но вот если бы тебе довелось увидеть то же, что мне, то как бы ты сильно удивился! Я хотел выкопать у себя во дворе колодец и, копая, наткнулся на гроб 7 локтей длины. Не веря, однако, чтобы люди когда-нибудь были больше нынешних ростом, я открыл гроб и увидел, что покойник действительно был одинаковой величины с гробом. Измерив гроб, я снова засыпал его землей». Так передавал ему кузнец то, что видел, а Лих обдумал эти слова. Ему пришло на мысль, что это и есть останки Ореста, о которых говорил оракул. Рассудил же Лих вот как: рассматривая два раздуваемых меха кузнеца, он решил, что это ветры, о которых говорил оракул; наковальня же и молот – это удар и ответный удар, а беда, возлежащая на беде, – выковываемое железо (это потому, думал он, что железо изобретено на беду человеку). Так рассуждая, Лих возвратился в Спарту и рассказал все, что случилось с ним. Лакедемоняне же обвинили его для вида в вымышленном преступлении и изгнали из города. Тогда Лих опять прибыл в Тегею и рассказал кузнецу о своей беде. Затем он просил отдать ему внаем двор, но кузнец сначала не соглашался. В конце концов Лиху удалось уговорить кузнеца. Он поселился потом на этом дворе, раскопал могилу и собранные кости привез в Спарту. С этого времени и всякий раз, когда дело доходило до столкновения, лакедемоняне неизменно оказывались гораздо сильнее [тегейцев]. И они покорили, таким образом, уже большую часть Пелопоннеса.

69. Все это Крез узнал и отправил послов в Спарту с дарами и предложением союза. Царь указал послам, что они должны говорить, а те по прибытии в Спарту сказали вот что: «Прислал нас Крез, царь лидийцев и других народов, и говорит вам так: “Лакедемоняне! Бог возвестил мне через оракул, чтобы я заключил союз с эллинами. Вы же, как я слышу, – самые могущественные люди в Элладе. Поэтому-то я по повелению оракула и обращаюсь к вам и желаю быть вашим другом и союзником без коварства и обмана”». Это Крез приказал объявить через своих послов, а лакедемоняне, которые уже слышали о прорицании, данном Крезу, обрадовались приезду лидийцев и заключили с ним освященный клятвой договор о дружбе и союзе, тем более что уже раньше Крез оказывал им некоторые услуги. Так, когда лакедемоняне послали в Сарды купить золото для статуи Аполлона, которая ныне стоит в Форнаке в Лаконии, Крез отдал им золото в дар⁵⁸.

70. Ради этого-то (а также и потому, что Крез предпочел их в качестве союзников всем прочим эллинам) лакедемоняне и заключили этот союз. Сами же они не только приняли предложение царя, но даже хотели сделать Крезу ответный подарок, если бы он того потребовал. Так лакедемоняне изготовили медную чашу для смешивания вина, украшенную снаружи по краям всевозможными узорами, огромных размеров, вместимостью на 300 амфор. Впрочем, эта чаша так и не попала в Сарды по причинам, о которых рассказывают двояко. Лакедемоняне передают, что на пути в Сарды чаша оказалась у острова Самоса. Самосцы же, узнав об этом, подплыли на военных кораблях и похитили ее. Сами же самосцы, напротив, утверждают: лакедемоняне, везшие чашу, прибыли слишком поздно и по пути узнали, что Сарды взяты [пер-

⁵⁷ *Агатоерги* – 5 членов спартанского корпуса из 300 всадников, которые ежегодно по возрасту выбывали из его состава и назначались послами за границу.

⁵⁸ Лидия была для греков того времени страной, откуда привозили золото. Лидийцы первыми стали чеканить золотую монету. Так же и персы (согласно древнеперсидским надписям) получали большую часть золота из Лидии.

сами], а Крез пленен. Тогда они будто бы предложили продать эту чашу на Самосе, и несколько [самосских] граждан купили ее и посвятили в храм Геры. Возможно также, что люди, действительно продавшие чашу, по прибытии в Спарту объявили там, что их ограбили самосцы.

71. Так-то обстояло дело с чашей для смешивания вина. Крез же неправильно истолковал оракул и выступил в поход на Каппадокию, надеясь низвергнуть Кира и сокрушить персидскую державу. Во время приготовлений к походу на персов один лидиец дал царю такой совет (этот лидиец – имя его было Санданис – и прежде слыл благоразумным, а благодаря этому совету он и подавно прославился у лидийцев):⁵⁹ «Царь! Ты собираешься в поход на людей, которые носят кожаные штаны и другую одежду из кожи; едят же они не столько, сколько пожелают, а сколько у них есть пищи, так как обитают в земле суровой. Кроме того, они не пьют вина, довольствуясь лишь водой. Нет у них ни смоков и никаких других полезных плодов. Если ты и одолеешь их, то что возьмешь у народа, лишенного всех благ? С другой стороны, подумай о том, чего ты можешь лишиться в случае поражения. Ведь, вкусив прелести нашей жизни, они так привяжутся к нам, что мы не сможем уже их изгнать [из нашей страны]. Я благодарю богов за то, что они не внушают персам мысль воевать с лидийцами!» Эти слова, впрочем, не убедили Креза. Я рассказываю это потому, что до покорения Лидии персы действительно вовсе не знали ни роскоши, ни богатства.

72. Каппадокийцев эллины называют сирийцами. А сирийцы эти до персидского владычества были подвластны лидийцам, а потом [подчинились] Киру. Границей же мидийского и лидийского царств была река Галис, текущая с Арменского горного [хребта] через Киликию; затем она протекает справа по области матиенов, а с левой стороны – по земле фригийцев. Минуя Фригию, река поворачивает на север и затем образует границу между сирийскими каппадокийцами на правом берегу и пафлагонцами – на левом. Таким образом, река Галис рассекает почти всю нижнюю часть Азии от моря, лежащего против Кипра, до Евксинского Понта. Это самое узкое место всей страны, и хороший пешеход пройдет этот путь за 5 дней.

73. А начал Крез войну с Каппадокией вот почему: во-первых, из страсти к земельным приобретениям (он стремился присоединить и эту область к своим владениям), а главным образом потому, что, доверяя изречению оракула, желал отомстить Киру за Астиага⁶⁰. Кир, сын Камбиса, победил Астиага, сына Киаксара, царя мидян и шурина Креза. Астиаг же стал шурином Креза вот как. Орда мятежных скифов-кочевников переселилась в Мидийскую землю. Царем же мидян в то время был Киаксар, сын Фраорта, внук Деиока. Царь сначала дружелюбно принял этих скифов, так как они пришли просить убежища, и даже отдал им своих сыновей в обучение искусству стрельбы из лука. Однако по прошествии некоторого времени вышло так, что скифы, которые постоянно занимались охотой и всегда добывали дичь, ничего не убили. Когда они вернулись с пустыми руками, Киаксар (человек, очевидно, вспыльчивый) обошелся с ними весьма сурово и оскорбительно. Получив такое незаслуженное оскорбление от Киаксара, скифы решили разрубить на куски одного из мальчиков, бывших у них в обучении. Затем, выпотрошив, как обычно потрошат дичь, подали на стол Киаксару как охотничью добычу. После этого скифы хотели немедленно бежать в Сарды к Алиатту, сыну Садиятта. Так это и произошло: Киаксар и его гости отведали этого мяса, а скифы отдались под защиту Алиатта.

74. Так как Алиатт, несмотря на требования Киаксара, не захотел выдать скифов, то у лидийцев с мидянами началась война. Пять лет длилась эта война, причем верх одерживали то мидяне, то побеждали лидийцы и однажды – даже в какой-то ночной битве. Так с переменным

⁵⁹ Рассказ о предостережении Крезу мудрого Санданиса возник среди состоятельных слоев местного населения. В греческих рассказах предостережения Крезу делались греческими мудрецами – Солоном, Биантом или Питтаком (ср. I 27,32). Политический смысл рассказа: нападение нелепо, если нападающий находится на вершине материального благополучия (ср.: А. И. Доватур. Стил, с. 141).

⁶⁰ См. выше, I 73, примеч. 9.

успехом продолжалась эта затяжная война, и на шестой год во время одной битвы внезапно день превратился в ночь. Это солнечное затмение предсказал ионянам Фалес Милетский и даже точно определил заранее год, в котором оно и наступило⁶¹. Когда лидийцы и мидяне увидели, что день обратился в ночь, то прекратили битву и поспешно заключили мир. Посредниками [при этом] были киликиец Сиеннесий и вавилонянин Лабинет. Они-то и добились, чтобы лидийцы и мидяне принесли клятву примирения и скрепили ее заключением брака. Они убедили Алиатта выдать замуж свою дочь Ариенис за Астиага, сына Киаксара. Ведь без таких родственных уз мирные договоры обычно непрочны. Скрепленные же клятвой договоры эти народы заключают так же, как и эллины, и, кроме того, слегка надрезают кожу на руке и слизывают друг у друга [выступившую] кровь.

75. Этого-то Астиага, своего деда по матери, Кир низложил. Причины этого я расскажу в последующем рассказе. За это Крез упрекал Кира и послал спросить оракул: идти ли ему войной на персов. И, даже получив двусмысленный ответ, Крез истолковал его в свою пользу и пошел войной на персидские владения. Подойдя к реке Галису, Крез, как я по крайней мере думаю, переправил свое войско по существующему теперь мосту. Эллины же обычно рассказывают, что переправил войско Креза через реку Фалес Милетский. [Как передают эллины], царь был в затруднении, как ему перевести войско через реку, потому что теперешнего моста в то время еще не существовало. Фалес же, который, как говорят, находился в стане Креза, сумел сделать так, что река потекла не только с левой стороны войска, но и с правой. Устроил же Фалес это так: он велел прокопать выше стока глубокий канал в виде полумесяца так, чтобы река обходила стан с тыла. Отклоняясь этим путем по каналу от старого русла, река затем снова проходила мимо стана и потом опять возвращалась в старое русло. Таким образом, после разделения реки на два рукава оба они стали проходимыми. Некоторые даже утверждали, что старое русло тогда совершенно пересохло, чему я, впрочем, не верю. Как же тогда на обратном пути они снова могли перейти реку?

76. Так вот, Крез, перейдя с войсками Галис, прибыл в так называемую Птерию в Каппадокии⁶² (Птерия – весьма сильно укрепленное место в этой стране – лежит приблизительно около Синопы, города на Евксинском Понте). Там царь разбил свой стан и начал опустошать поля сирийцев. Город птерийцев он захватил, а жителей продал в рабство. Он взял также все окрестные города, а ни в чем не повинных жителей-сирийцев изгнал. А Кир собрал свое войско, присоединив к нему воинов всех народностей, через земли которых он проходил, и пошел в поход на Креза. Еще до своего выступления Кир послал вестников к ионянам побудить их к отпадению от Креза. Ионяне, однако, отказались. Когда Кир с войском прибыл, он разбил свой стан против [стана] Креза. Здесь, на Птерийской земле, персы и лидийцы померились своими силами. Сеча была жестокой, и с обеих сторон пало много воинов. В конце концов ни той, ни другой стороне не удалось одержать победы, и с наступлением ночи противники разошлись.

77. Так сражались оба войска друг с другом. Крез же считал свое войско слишком малочисленным (и действительно, оно значительно уступало численностью войску Кира). На следующий день Кир не возобновил битвы, и Крез с войском отступил к Сардам. Он хотел призвать на помощь своих союзников-египтян (с Амасисом, царем Египта, Крез заключил союз еще раньше, чем с лакедемонянами). Крез собирался отправить послов и к вавилонянам, также бывшим с ним в союзе (царем Вавилона был тогда Лабинет). Наконец, Крез велел сообщить

⁶¹ Это солнечное затмение произошло 28 мая 585/4 г. до н. э. Геродот же взял другое затмение, именно 30 сентября 610 г., и поэтому отодвинул на 25 лет смерть Гигеса и включил в число исторических фактов свидания Креза с Солоном, Питтаком и Алкмеоном (*В. В. Струве. Этюды*, с. 98). Таким образом, неправильная датировка событий в Малой Азии и Греции VII–VI вв. до н. э. обусловлена не субъективными религиозно-моральными воззрениями Геродота, а неправильной датировкой предсказанного Фалесом солнечного затмения (*В. В. Струве. Этюды*, с. 100).

⁶² Описание похода Креза на каппадокийских сирийцев показывает, что Крез думал только об экспансии на Черноморское побережье. Но так как каппадокийцы были подвластны Киру, то дело дошло до войны с Киrom.

лакедемонянам, чтобы те явились на помощь в условленное время. Собрав все эти вспомогательные боевые силы и объединив их со своим войском, Крез по окончании зимы, в начале весны, намеревался выступить против персов. Таковы были его замыслы. По прибытии в Сарды царь послал вестников к союзникам, предлагая собраться на пятый месяц в Сарды. Войско же свое, состоявшее из наемников, которое сражалось с персами, он распустил по домам. Крез ведь вовсе не ожидал, что Кир после столь нерешительной битвы пойдет [прямо] на Сарды.

78. Пока Крез обдумывал эти свои замыслы, все окрестности города внезапно наполнились змеями. С появлением змей кони бросили пастбища и поедали змей. Это явление Крез счел божественным знамением, как это и было в действительности. Тотчас царь отправил послов к тельмесским толкователям знамений. Послы прибыли к тельмесцам и узнали смысл этого чудесного знамения. Но им не пришлось уже передать ответ Крезу: ибо не успели они отплыть в Сарды, как Крез был уже взят в плен. Тельмесцы же истолковали знамения так: Крезу следует ожидать нападения чужеземного войска на свою страну. Войско это придет и истребит туземных жителей. Ведь змея, говорили они, – дитя родной земли, конь же – нечто враждебное и чуждое ей. Такой ответ дали тельмесцы [послам] Креза, вовсе ничего не ведая о Сардах и об участии самого Креза, бывшего тогда в плену.

79. А Кир, лишь только узнал после битвы при Птерии об отступлении Креза и о том, что тот намерен распустить свое войско, то решил как можно скорее идти на Сарды, пока лидийцы не успели снова собрать войска. Этот свой замысел Кир быстро привел в исполнение. Он совершил вторжение с войском в Лидию и сам явился вестником к Крезу. Крез оказался в весьма затруднительном положении, так как ход событий оказался совершенно иным, чем он предполагал. Тем не менее царь повел своих лидийцев в бой. В то время не было в Азии народа сильнее и отважнее лидийцев. Они сражались верхом на конях⁶³, вооруженные копьями, и были прекрасными наездниками.

80. Так вот, оба войска сошлись на большой, лишенной растительности равнине перед городом Сардами. Через эту равнину протекало много рек, и среди них Гилл⁶⁴, впадающий в самую большую реку под названием Герм. Герм берет начало со священной горы Матери Диндимены и впадает в море у города Фокеи. Тут Кир, увидев, что лидийцы стоят в боевом порядке, готовые к бою, в страхе перед их конницей по совету мидянина Гарпага поступил вот так: всех выючных и нагруженных продовольствием верблюдов, следовавших за войском, Кир велел согнать, разгрузить и посадить на них воинов в одежде всадников. Затем он поставил верблюдов впереди войска против конницы Креза, пехоте же приказал следовать за верблюдами, а позади пехотинцев расположил все остальное войско. После того как все заняли свои места, Кир отдал приказ умерщвлять без пощады всех попадавшихся лидийцев, только самого Креза не убивать, даже если тот будет защищаться при захвате в плен. Таково было приказание Кира, а верблюдов он велел поставить против неприятельской конницы потому, что кони боятся верблюдов и не выносят их вида и запаха. Эта хитрость была придумана для того, чтобы сделать бесполезной именно ту самую конницу, которой лидийский царь рассчитывал блеснуть. Битва началась, и лишь только кони почуяли верблюдов и увидели их, то повернули назад и надежды Креза рухнули. Но все же лидийцы и тут не потеряли мужества. Когда они заметили происшедшее, то соскочили с коней и стали сражаться с персами пешими. Наконец после огромных потерь с обеих сторон лидийцы обратились в бегство. Персы оттеснили их в акрополь и начали осаждать [Сарды].

81. Так-то лидийцы были осаждены, а Крез, рассчитывая на долгую осаду, отправил из города новых послов к своим союзникам. Прежние послы были посланы к союзникам с при-

⁶³ Ядром лидийского войска была прекрасная конница.

⁶⁴ Упоминание р. Гилла позволяет думать, что решительная битва произошла не при Сардах, а к северу от Магнесии.

казанием собраться в Сарды на пятый месяц, а на этот раз они просили немедленной помощи, так как Крез был в осаде.

82. Среди других союзников Крез отправил послов также и в Лакедемон. В это время у самих спартанцев была война с аргосцами за область под названием Фирея. Эта Фирея, собственно, была частью Арголиды, но лакедемоняне завладели ею. Аргосцам принадлежали также материковая область на запад вплоть до Малеев, затем остров Кифера и другие острова. Аргосцы прибыли на защиту своей земли, захваченной [спартанцами]. Здесь они вступили в переговоры со спартанцами и сошлись на том, что с каждой стороны вступят в бой по 300 воинов. Спорная же область останется за победителями. Остальные бойцы обеих сторон должны были возвратиться домой и не участвовать в битве, для того чтобы в случае поражения своих они не вмешались в схватку. Условившись так, оба войска удалились, а оставшиеся отборные бойцы вступили в схватку. Однако силы противников оказались настолько равными, что после боя из всех 600 воинов осталось в живых только трое: у аргосцев Алкенор и Хромий, а у лакедемонян – Офриад. Этих только и застала в живых наступившая ночь. Тогда двое аргосцев, считавшие себя победителями, поспешили в Аргос, а лакедемонянин Офриад снял с павших аргосцев доспехи и отнес их в стан спартанцев, а затем оставался на поле битвы, как бы удерживая свое место [в строю]. На следующий день оба войска прибыли на поле боя узнать об исходе битвы. Сначала победу приписывали себе обе стороны: одни говорили, что у них осталось больше людей в живых, другие же объявляли противников беглецами, [утверждая], что их воин не покинул поля битвы и даже снял доспехи с павших противников. Наконец после долгих споров они вновь бросились в рукопашную схватку. Несмотря на огромные потери с обеих сторон, победителями все же остались лакедемоняне. С этого времени аргосцы стали коротко стричь себе волосы (прежде, по обычаю, они отращивали длинные волосы). Они даже ввели закон и изрекли проклятие, чтобы ни один аргосец не смел отращивать себе длинные волосы и ни одна женщина – носить золотых украшений, пока Фирея не будет отвоевана. Лакедемоняне же, напротив, установили законом отныне носить длинные волосы (до этого они коротко стригли их). Передают, что единственный, оставшийся в живых из 300 лакедемонян, Офриад, стыдясь возвратиться в Спарту, так как все его соратники пали, лишил себя жизни в Фирее.

83. Таковы в то время были дела у спартанцев, когда прибыл к ним посол из Сард с просьбой о помощи Крезу. Выслушав посла, лакедемоняне все же решили отправить помощь царю. Но когда все уже было готово и корабли снаряжены к отплытию, пришло другое известие о том, что город лидийцев взят и сам Крез захвачен в плен. Это великое несчастье заставило лакедемонян отложить поход.

84. Сарды же были взяты персами вот как⁶⁵. На четырнадцатый день осады Кир отправил всадников к своему войску и объявил, что щедро наградит первого взойшедшего на стену города. После неудачного первого приступа, когда все остальные воины уже отступились, некий мард по имени Гиреад сделал попытку подняться на стену в том единственном месте акрополя, которое не охранялось. С этой стороны нельзя было когда-нибудь опасаться штурма, так как здесь скала акрополя круто спускалась вниз и была совершенно неприступной. Только в одном этом месте древний царь Сард Мелес не обнес льва⁶⁶, которого ему родила наложница (хотя тельмессцы предсказали ему, что Сарды будут неприступны, если льва обнесут вокруг стен). Мелес же приказал обнести льва вокруг остальной стены, где крепость была легко уязвимой для нападения. Это же место он оставил незащищенным, так как оно было неприступное и обрывистое [по природе]. Эта часть города обращена к Тмолу. Этот-то мард Гиреад увидел накануне, как какой-то лидиец спустился здесь с акрополя за упавшим шлемом и поднял его

⁶⁵ Город Сарды не был обнесен стенами. Персы осаждали только городской кремль (акрополь).

⁶⁶ Рассказ о льве Мелеса – местный лидийский; к нему добавлен персидский рассказ, героем которого был мард Гиреад (см.: А. И. Доватур. Стилль, с. 85). Лев – геральдическое животное Сард (быть может, древний тотем), изображается на лидийских монетах. Он был атрибутом божества – хранителя Сард.

наверх. Гиреад заметил это место и затем сам поднялся здесь на стену, а за ним и другие персы. После того как большой отряд воинов оказался на стене, Сарды были взяты и весь [нижний] город разрушен.

85. Самого Креза постигла вот такая участь: был у него еще сын, о котором я упоминал уже раньше, весьма одаренный юноша, но немой. Прежде, в счастливую пору своей жизни, Крез сделал все возможное для исцеления ребенка. Так, пытаясь помочь сыну, царь, между прочим, отправил послов в Дельфы спросить оракул о сыне. Пифия дала ему вот какой ответ:

Многих народов властитель, о мидянин, Крез неразумный!
Не пожелай ты услышать вождя лепета сына
В доме твоём: лучше б навеки устам его быть неотверстым!
В оный ведь день, для тебя роковой, возгласит он впервые!

При взятии акрополя какой-то перс, не узнав Креза, бросился на царя и хотел уже умертвить его. Крез заметил нападающего, но тяжкое горе сделало его равнодушным к смерти. Когда же глухонемой сын увидел перса, устремившегося на отца, он вдруг обрел от страха и горя дар речи и произнес: «Человек, не убивай Креза!» Это были первые слова, сказанные юношей, и затем уже до конца жизни он мог говорить.

86. Так-то персы овладели Сардами и самого Креза взяли в плен живым⁶⁷. Царствовал же Крез 14 лет, и 14 дней продолжалась осада [столицы], и, как предсказал оракул, он разрушил свою великую державу. Пленного Креза персы отвели к Киру. А Кир повелел сложить огромный костер и на него возвести Креза в оковах, а с ним «дважды семь сынов лидийских»⁶⁸. Быть может, Кир хотел принести их в жертву как победный дар некоему божеству или же исполнить данный обет. Быть может, наконец, так как Киру было известно благочестие Креза, Кир возвел лидийского царя на костер, желая узнать, не спасет ли его от сожжения заживо какое-нибудь божество. Так поступил Кир, [по словам лидийцев]. А Крез, стоя на костре, все же в своем ужасном положении вспомнил вдохновенные божеством слова Солона о том, что никого при жизни нельзя считать счастливым. Когда Крезу пришла эта мысль, он глубоко вздохнул, застонал и затем после долгого молчания трижды произнес имя Солона. Кир услышал это и приказал переводчикам узнать у Креза, кого это он призывает, и те, подойдя, спросили его. Крез некоторое время хранил молчание, но затем, когда его заставили [говорить], сказал: «Я отдал бы все мои сокровища, лишь бы все владыки могли побеседовать с тем, кого я призываю». Так как ответ Креза был непонятен, то переводчики опять стали настаивать, [чтобы пленник объяснил свои слова]. Наконец, в ответ на настойчивые просьбы Крез рассказал о том, как однажды прибыл в его царство афинянин Солон. Он осмотрел все царские сокровища и презрел их. Крез передал затем Киру, как все сказанное Солоном сбылось. Солон ведь говорил это не столько о самом Крезе, сколько вообще о человеческой жизни, и именно о людях, которые сами себя почитают счастливыми. Так рассказывал Крез, а костер между тем загорелся и уже пылал. А Кир, услышав от переводчиков рассказ Креза, переменял свое решение. Царь подумал, что и сам он все-таки только человек, а хочет другого человека, который до сих пор не менее его был обласкан счастьем, живым предать огню. К тому же, опасаясь возмездия и рассудив, что все в

⁶⁷ Взятие Сард персами произошло в 546 г. до н. э. Рассказ об этом заимствован из персидской традиции (А. И. Доватур, Стил, с. 92).

⁶⁸ Сожжение Креза на костре – это скорее самосожжение. Крез приносит себя в жертву богу солнца Аполлону, который затем тушит костер. Вместе с Крезом возведены на костер «дважды семь» юношей (семь – священное число). На древних вазах сохранилось изображение Креза, сидящего на костре и приносящего жертвы.

человеческой жизни непостоянно, Кир повелел как можно скорее потушить огонь и свести с костра Креза и тех, кто был с ним. Однако попытки потушить костер оказались тщетными.

87. И вот (так передают лидийцы), когда Крез заметил раскаяние Кира и увидел напрасные старания всех затушить пламя костра, он громко воззвал к Аполлону. Крез молил бога: если богу были угодны его [Креза] жертвоприношения, то пусть он придет на помощь и спасет от настоящей беды. Так Крез слезно молил, призывая Аполлона. И вот тотчас среди ясного неба и полного безветрия внезапно сгустились тучи и разразилась буря с сильным ливнем, которая и потушила костер⁶⁹. Тогда-то Кир понял, что Крез – человек, любезный богам и благочестивый. Он повелел Крезу сойти с костра и обратился к пленнику с такими словами: «Крез! Кто из людей убедил тебя идти войной на мою землю и стать мне врагом вместо друга?» А Крез отвечал: «Я поступил так, царь, тебе во благо и на горе себе. Виновник же этого эллинский бог, который побудил меня к войне. Ведь нет [на свете] столь неразумного человека, который предпочитает войну миру. В мирное время сыновья погребают отцов, а на войне отцы – сыновей. Впрочем, такова, должно быть, была воля богов».

88. Так говорил Крез, а Кир повелел снять с него оковы, усадил рядом с собой, оказывая [пленнику] величайшую честь. При этом и сам Кир, и вся его свита смотрели на Креза с удивлением. Крез же, погруженный в раздумье, молчал. Затем он оглянулся и, увидев, как персы разоряют город, сказал: «Царь! Надо ли ныне поведать тебе мои думы или я должен молчать?» Кир приказал пленнику смело говорить, что хочет. Тогда Крез спросил царя: «Что делает здесь эта орда [воинов] с такой яростью?» Кир отвечал: «Они грабят город и расхищают твои сокровища». Крез же возразил на это: «Нет! Не мой город и не мои сокровища они грабят. Нет у меня больше ничего: они расхищают твоё достояние».

89. Слова Креза внушили Киру беспокойство. Царь приказал свите удалиться и обратился с вопросом к пленнику: «Какую опасность Крез видит для него, Кира, в происходящем?» Крез отвечал: «Боги сделали меня твоим рабом, и я считаю долгом сказать тебе нечто такое, что другие не замечают. Персы, будучи по натуре непокорными, бедны. Если ты позволишь им грабить и овладеть великими сокровищами, то вот что из этого выйдет: кто из них больше всего награбит, тот (ты можешь ожидать этого) поднимет против тебя восстание. Если тебе угодно послушаться меня, то поступи так: поставь у всех ворот стражу по нескольку твоих телохранителей; пусть они отнимают добычу у тех, кто ее выносит, говоря, что десятую часть следует посвятить Зевсу. Тогда они не только не возненавидят тебя за то, что ты силой отнимаешь у них добычу, но, признав справедливость твоих действий, даже добровольно отдадут ее».

90. Услышав это, Кир весьма обрадовался, так как совет показался ему превосходным. Осыпав Креза похвалами, царь приказал телохранителям исполнить совет и затем обратился к пленнику с такими словами: «Крез, ты умеешь говорить и действовать, как подобает царственному мужу. Проси у меня какой хочешь милости, и я тотчас же окажу тебе ее». Крез отвечал: «Владыка! Ты окажешь мне величайшее благодеяние, позволив послать эллинскому богу, которого я чтил превыше всех других богов, вот эти оковы и спросить его: неужели у него в обычае обманывать своих друзей?» Кир спросил, в чем же Крез упрекает бога, обращаясь к нему [Киру] с такой просьбой. Тогда Крез снова рассказал все свои замыслы [о войне с персами] и ответ оракула, особенно упомянув о своих дарах богу. Затем поведал, как он по побуждению оракула пошел войной на персов. Рассказ свой Крез опять закончил просьбой позволить ему укорить божество. Кир же со смехом отвечал: «Я исполню, Крез, и эту твою просьбу, и все, о чем бы ты меня ни попросил». Услышав эти слова, Крез отправил лидийских послов в Дельфы с приказанием возложить его оковы на пороге святилища и спросить, не стыдно ли было богу побуждать Креза прорицаниями к войне с персами, чтобы сокрушить державу Кира, отчего и получились такие вот «победные дары», и показать при этом на оковы.

⁶⁹ Вмешательство божественных сил в ход исторических событий – довольно частый мотив у Геродота.

Послы должны были спросить [бога] об этом, а также и о том, в обычае ли у эллинских богов проявлять неблагодарность.

91. Прибыв в Дельфы, лидийцы выполнили поручение. А Пифия, как передают, дала им вот какой ответ: «Предопределенного Роком⁷⁰ не может избежать даже бог. Крез ведь искупил преступление предка в пятом колене. Этот предок, будучи телохранителем Гераклидов, соблазненный женским коварством, умертвил своего господина и завладел его [царским] саном, вовсе ему не подобающим. Локсий же хотел, чтобы падение Сард случилось по крайней мере не при жизни самого Креза, а при его потомках. Но бог не мог отвести Рока. Впрочем, все, что позволили богини Судьбы⁷¹, Аполлон сделал и оказал услугу Крезу: бог ведь на три года отложил завоевание Сард; пусть Крез знает, что он попал в плен тремя годами позднее времени, предопределенного [Судьбой]. Во второй раз бог оказал Крезу помощь, когда тот горел [на костре]. Так же и на данное ему предсказание Крез жалуется несправедливо. Ведь Локсий предсказал: если Крез пойдет войной на персов, то разрушит великое царство. Поэтому, если бы Крез желал принять правильное решение, то должен был отправить послов вновь спросить оракул: какое именно царство разумеет бог – его, Креза, или Кира. Но так как Крез не понял изречения оракула и вторично не спросил его, то пусть винит самого себя. И смысл последнего изречения Локсия о муле Крез также не понял. Ведь этим мулом и был именно Кир, так как происходил от двух разных народов – от матери, более знатной, чем отец. Мать его была мидянкой, дочерью мидийского царя Астиага, а отец – перс, подвластный мидянам, будучи ниже ее во всех отношениях, взял супругой свою госпожу». Таков был ответ Пифии лидийцам, а те отнесли его в Сарды и объявили Крезу. Тогда Крез, выслушав изречение оракула, понял, что это его собственная вина, а не [вина] бога.

92. Такова история владычества Креза и первого покорения Ионии. Есть в Элладе еще и много других (кроме упомянутых) посвященных даров Креза. Так, в Фивах в Беотии находится золотой треножник, посвященный Крезом Аполлону Исмению; в Эфесе – известные золотые коровы и большинство колонн [в храме] от него же; в храме Пронии⁷², что в Дельфах, – большой золотой щит. Эти дары сохранились еще и по сей день, другие же пропали. Что до посвященных даров Креза в Бранхидах в Милетской области, то они, как я слышал, одинакового веса и похожи на те, что в Дельфах. Дары Креза в Дельфы и в храм Амфиарая были его личным достоянием и составляли лучшую долю его отеческих сокровищ. Остальные принадлежали к имуществу его врага, против которого Крез боролся еще до вступления на престол, так как тот ревностно помогал Панталеонту захватить власть над лидийцами. Этот Панталеонт также был сыном Алиатта и братом Креза, но не единоутробным. Крез ведь был сыном Алиатта от жены кариянки, а Панталеонт – от ионянки. Когда Крез по воле отца стал царем, то приказал умертвить своего соперника, терзая его на «чесальном гребне»⁷³. Имущество же его, которое Крез еще раньше обещал посвятить богам, Крез по воцарении принес в дар вышеуказанным образом в упомянутые храмы. О приношениях сказано достаточно.

93. Природными достопримечательностями, как другие страны, Лидия совсем не обладает, кроме, быть может, золотого песка, приносимого [течением] реки Тмола. Есть, правда, в Лидии одно сооружение, далеко превосходящее величиной все другие (помимо построек египтян и вавилонян). Это – могильный памятник Алиатта, отца Креза. Его основание состоит из огромных каменных плит, остальная же часть памятника – земляной курган⁷⁴. Рыночные

⁷⁰ Судьба (Рок) и кара богов за преступления привлекаются для объяснения широкого круга явлений: падение и гибель городов и царств, смерть политических деятелей, государственные перевороты, битвы, войны и пр.

⁷¹ Богини Судьбы – Мойры, дочери Зевса и Фемиды. Их было три – Атропа, Клото и Лахесис.

⁷² Т. е. в храме Афины Пронии, находящемся перед храмом Аполлона.

⁷³ «Чесальный гребень» – орудие пытки. В рассказе о расправе Креза со своим братом отражается эпизод борьбы между сторонниками и противниками греческой ориентации (см.: А. И. Доватур. Стил, с. 83).

⁷⁴ Описанный Геродотом курган существует еще и теперь.

торговцы, ремесленники и девушки, «занимающиеся своим ремеслом на дому», соорудили этот памятник. На верху памятника помещены каменные плиты числом пять, существующие и поныне, с высеченными на них надписями, [гласящими], какая часть работы выполнена каждым из этих разрядов людей. При измерении оказалось, что большая часть работы произведена девушками. Молодые девушки у лидийцев все занимаются развратом, зарабатывая себе приданое⁷⁵. Делают же они это, пока не выйдут замуж, причем сами же выбирают себе мужа. Объем кургана составляет 6 стадий и 2 плефры, диаметр же 13 плефров. К кургану примыкает большое озеро, которое, по словам лидийцев, никогда не высыхает. Называется оно Гигесовым. Таково это замечательное сооружение.

94. Нравы и обычаи лидийцев одинаковы с эллинскими, за исключением того, что лидийцы разрешают молодым девушкам заниматься развратом. Первыми из людей они, насколько мы знаем, стали чеканить и ввели в употребление золотую и серебряную монету и впервые занялись мелочной торговлей. Сами лидийцы утверждают, что и игры, которые ныне в ходу у них и у эллинов, – их изобретение. Лидийцы изобрели эти игры именно в то самое время, как говорят, когда выселились в Тирсению⁷⁶. О себе они рассказывают так: при царе Атисе, сыне Манеса, во всей Лидии наступил сильный голод [от недорода хлеба]. Сначала лидийцы терпеливо переносили нужду, а затем, когда голод начал все более и более усиливаться, они стали искать избавления, придумывая разные средства. Чтобы заглушить голод, они поступали так: один день все время занимались играми, чтобы не думать о пище, а на следующий день ели, прекращая игры. Так лидийцы жили 18 лет. Между тем бедствие не стихало, а еще даже усиливалось. Поэтому царь разделил весь народ на две части и повелел бросить жребий: кому оставаться и кому покинуть родину. Сам царь присоединился к оставшимся на родине, а во главе переселенцев поставил своего сына по имени Тирсен. Те же, кому выпал жребий уезжать из своей страны, отправились к морю в Смирну. Там они построили корабли, погрузили на них всю необходимую утварь и отплыли на поиски пропитания и [новой] родины. Миновав много стран, переселенцы прибыли в землю омбриков и построили там город, где и живут до сей поры. Они переименовались, назвав себя по имени сына своего царя [Тирсена], который вывел их за море, тирсенами. Лидийцы же на родине были поработочены персами.

95. Отныне речь у нас пойдет о Кире – кто был этот человек, разрушивший державу Креза, – и о том, как персы стали владыками Азии. Я буду описывать деяния Кира так, как передавали мне некоторые персы, желавшие не слишком восхвалять его, но рассказывать только правду. Я, впрочем, знаю, что о Кире и его деяниях существуют также и другие рассказы, а именно три. Ассирийское владычество над Верхней Азией продолжалось 520 лет⁷⁷. Первыми от ассирийцев отпали мидяне. В освободительной борьбе они, мне думается, проявили доблесть и, свергнув рабство, обрели свободу. Примеру мидян последовали затем и прочие народности⁷⁸.

96. Едва, однако, все народности этого материка обрели независимость, как были снова поработочены. Произошло же это вот как. Жил в Мидии мудрый человек по имени Деиок⁷⁹,

⁷⁵ Речь идет о так называемой священной проституции, связанной с культом вавилонской богини Иштар.

⁷⁶ Здесь Геродот передает древнейшее известие о переселении этрусков в Италию. Даже в эпоху Римской республики, когда язык этрусков еще существовал, малоазийское происхождение их считалось общепризнанным.

⁷⁷ Ассирийская держава пала в 612 г. до н. э. Таким образом, возникновение ассирийского царства, по Геродоту, следует отнести ко времени незадолго до царствования Тиглатпеласара I (1116–1090 гг. до н. э.). Геродот пользуется здесь аккадскими источниками.

⁷⁸ К числу покоренных Ассирией народностей принадлежали вавилоняне, сирийцы, киликийцы, народности Урарту и Египет (до 669 г. до н. э.).

⁷⁹ Новелла о Деиоке решает вопрос о возникновении монархической власти: умный человек создает себе славу справедливейшего; затем, отойдя от дел, дает почувствовать народу контраст между его справедливой властью и воцарившейся анархией и, наконец, при содействии своих агентов получает власть, к которой он давно уже стремился (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 138). В 715 г. до н. э. Саргон II покорил мидийского царя Даниуку.

сын Фраорта. Этот-то Деиок страстно желал стать царем и сумел выполнить это свое желание вот как: мидяне жили тогда по деревням, и Деиок в своем [родном] селении уже и раньше пользовался уважением, а теперь старался еще усерднее соблюдать справедливость, отправляя правосудие. И так он поступал в то время, когда во всей Мидии царило великое беззаконие, хотя и знал, что кривда правде – всегда враг. Видя такие его качества, односельчане выбрали его судьей. И именно потому-то Деиок и был честным и праведным судьей, что стремился к царской власти. Этим он и заслужил у односельчан изрядную похвалу, и даже жители других селений (прежде ставшие жертвой несправедливости), прослышав, что Деиок – единственно праведный судья, с радостью приходили к нему для разбора своих тяжб, пока в конце концов не стали доверяться только ему одному.

97. Между тем [число] приходящих к Деиоку людей все увеличивалось, так как люди слышали, что он выносил справедливые приговоры. Тогда-то Деиок решил, что [теперь] все в его руках, и отказался восседать [на судейском кресле], на котором он прежде судил народ. Он заявил, что вообще больше не будет творить суд, так как ему невыгодно, пренебрегая собственными делами, по целым дням разбирать чужие тяжбы. Между тем грабежи и беззакония в селениях пошли еще сильнее прежнего. Тогда мидяне собрались в одном месте для совещания о положении дел. При этом, как я думаю, приверженцы Деиока говорили примерно вот как:⁸⁰ «Не можем мы больше жить так, как [живем] ныне! Давайте выберем себе царя. Тогда в земле нашей воцарятся закон и порядок, и сами мы сможем вернуться к обычным делам, и беззаконие не заставит нас покинуть родину». Такими речами в общем они убедили друг друга и решили избрать царя.

98. Когда затем начали совещаться, кого же выбрать царем, то все стали настоятельно восхвалять и предлагать Деиока, пока наконец единодушно не избрали его на царство. Тогда Деиок повелел построить дворец, подобающий его царскому достоинству, и дать ему телохранителей. Мидяне же повиновались и воздвигли на указанном им самим месте большой и неприступный дворец [замок] и позволили набирать телохранителей по всей Мидии. По воцарении Деиок заставил мидян построить один [новый] город и защищать его; остальные же города покинуть на произвол судьбы. Мидяне исполнили и это его повеление, и Деиок воздвиг большой укрепленный город – нынешние Акбатаны, в котором одна стена кольцом охватывала другую. Крепостные стены были построены так, что одно кольцо [стен] выдавалось над другим только на высоту бастиона. Местоположение города на холме благоприятствовало такому устройству [стен], однако местность была еще немного изменена искусственно. Всех колец стен было семь; внутри последнего кольца находятся царский дворец и сокровищница. Длина наибольшего кольца стен почти такая же, что и у кольцевой стены Афин. Бастионы первого кольца стен белые, второго – черные, третьего – желто-красные, четвертого – темно-синие, пятого – сандаракового цвета⁸¹. Таким образом, бастионы всех этих пяти колец пестро окрашены. Что же до двух последних колец, то бастионы одного были посеребренные, а другого – позолоченные.

99. Такие-то стены воздвиг Деиок вокруг своего дворца. Прочему же народу он повелел поселиться около стен. По окончании строительства [дворца] Деиок первым делом ввел вот какой порядок [дворцового церемониала]: никто не должен иметь непосредственного доступа к царю, но по всем делам сноситься с ним через слуг [вестников], лицезреть же самого царя [не допускается] никому. Кроме того, для всех без исключения считалось непристойным смеяться или плевать в присутствии царя. Таким величием Деиок окружил себя, чтобы оградиться от сверстников и друзей юности, происходивших из знатных семейств и не уступавших ему в

⁸⁰ Речи обычно сочинены самим историком, но в новеллах не принадлежат ему (см.: А. И. Доватур. Стил, с. 190, примеч. 2).

⁸¹ Сандараковый цвет – оранжево-красный (сандарак – сернистый мышьяк).

доблести. Не видя его, они не будут завидовать или посягать на его жизнь, но, как он думал, будут считать его высшим существом.

100. Когда Деиок установил такие порядки и упрочил свою царскую власть, то строго соблюдал законность. Жалобы подавались царю в письменном виде. Он рассматривал их и отсылал обратно. Так поступал он с жалобами; в других же случаях царь завел вот какой порядок. Слыша о каком-нибудь преступлении, Деиок призывал к себе виновников и наказывал по заслугам. По всей стране были у него соглядатаи и наушники.

101. Так-то Деиок объединил мидийский народ и царствовал над всей Мидией. Племена мидян следующие: бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии и маги. Вот сколько мидийских племен⁸².

102. У Деиока был сын Фраорт. После 53-летнего царствования Деиок скончался, и царство унаследовал Фраорт. Получив власть, Фраорт не удовольствовался владычеством над мидянами, но пошел войной на персов. Персы первыми подверглись его нападению и первыми подчинились мидянам. Властвуя над этими двумя и к тому же могущественными народами, Фраорт затем начал покорение Азии народ за народом. Наконец, он выступил в поход на ассирийцев (именно на тех, что владели Нином и прежде были владыками всей Азии, а теперь, после отпадения своих союзников, остались одни; у себя дома, впрочем, они были еще довольно могущественны). В этом-то походе пал и сам Фраорт после 22-летнего царствования, и погибла большая часть его войска.

103. После кончины Фраорта царство перешло к его сыну, внуку Деиока, Киаксару. Этот Киаксар, по рассказам, был еще гораздо воинственнее своих предшественников и первым разделил азиатское войско на [боевые] отряды по родам оружия и каждому отряду – копьеносцам, лучникам и всадникам – приказал действовать самостоятельно. До этого все [войско] было перемешано в беспорядке. Это был тот самый Киаксар, который сражался с лидийцами, когда во время битвы день внезапно стал ночью. Всю Азию по ту сторону Галиса он присоединил к своей державе. Со всеми подвластными народами Киаксар выступил против Нина, чтобы отомстить за отца и разрушить город. Тут-то, когда он уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина, в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов⁸³ во главе с царем Мадие-сом, сыном Протофииея. Скифы вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю.

104. От озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов 30 дней пути для пешехода налегке. А от Колхиды до Мидии – не дальше, только между этими странами живет одна народность – саспиры. Минуя их, можно попасть в Мидию. Скифы, во всяком случае, вступили в Мидию не этим путем, но, свернув с прямой дороги, пошли верхним путем, гораздо более длинным, оставляя при этом Кавказские горы справа. Здесь-то и произошла битва мидян со скифами. Мидяне потерпели поражение, и их могущество было сломлено. Скифы же распространили свое владычество по всей Азии.

105. Затем скифы пошли на Египет. На пути туда в Сирии Палестинской скифов встретил Псамметих, египетский царь, с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше. Возвращаясь назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон. Большая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отставших воинов разграбили святилище Афродиты Урании⁸⁴. Как я узнал из расспросов, это святилище – самое древнее из всех храмов этой богини. Ведь святилище на Кипре основано выходцами оттуда, как утверждают сами киприоты, а храм в Кифере воздвигли финикияне, жители Сирии Пале-

⁸² Мидяне, по-видимому, в X–IX вв. до н. э. переселились из Бактрии и Согдианы, заняли северо-западную часть Ирана и покорили местное, неиндоевропейское население.

⁸³ Быть может, скифов изгнали из южнорусских степей киммерийцы, которые перешли Боспор и вторглись в Малую Азию. Скифы же через Дербентский проход по пути между Кавказом и Каспийским морем проникли в Мидию.

⁸⁴ Это был знаменитый храм филистимлян, посвященный Астарте (Иштар).

стинской. Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки «женским» недугом. И не только сами скифы утверждают такое происхождение их болезни, но и все посещающие Скифию могут видеть страдания так называемых энареев⁸⁵.

106. 28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось. Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили. Так мидяне восстановили прежнее величие своей державы и еще завоевали Нин (как они завладели городом, я расскажу в другой части моего труда)⁸⁶ и покорили ассирийцев⁸⁷, за исключением Вавилонской области. После этого скончался Киаксар. Царствовал он 40 лет (считая и годы скифского владычества).

107. Наследовал ему сын Астиаг. У Астиага родилась дочь, которую звали Манданой. Астиагу приснился сон, что дочь его испустила столь огромное количество мочи, что затопила его столицу и всю Азию. Царь спросил снотолкователей-магов [о смысле] сновидения. Когда маги точно разъяснили ему [значение] сна, царь понял и устранился. Затем, когда пришла пора Мандане выходить замуж, Астиаг не хотел отдавать ее в жены ни одному мидянину равного происхождения. В страхе от сновидения царь выдал дочь замуж за перса по имени Камбис, выбрав его из-за знатного происхождения и спокойного нрава, хотя и считал его [по знатности] гораздо ниже среднего мидянина.

108. Как раз в первый же год после женитьбы Камбиса на Мандане Астиаг опять увидел сон: ему приснилось на этот раз, что из чрева его дочери выросла виноградная лоза и эта лоза разрослась затем по всей Азии. Об этом видении царь опять сообщил снотолкователям и затем повелел послать в Персию за своей дочерью, вскоре ожидавшей ребенка. По прибытии дочери Астиаг приказал держать ее под стражей и хотел погубить новорожденного младенца⁸⁸. Снотолкователи-маги объяснили ему сон так: сын его дочери будет царем вместо него. Желая избежать этого, Астиаг призвал после рождения [младенца] Кира Гарпага, своего родственника, самого преданного человека среди мидян, управителя в его царстве, и обратился к нему с такими словами: «Гарпаг! Я даю тебе важное поручение. Выполни его тщательно. Но не обманывай меня, предпочитая интересы других моим, чтобы не погибнуть потом по своей вине. Возьми младенца, которого родила Мандана, принеси в свой дом и умертви. Потом похорони его как тебе угодно». Гарпаг же отвечал: «Царь! Никогда и прежде у тебя не было повода быть недовольным мною, и впредь я буду остерегаться в чем-нибудь провиниться перед тобой. Если такова твоя воля, то мой долг усердно ее выполнить».

109. Так ответил Гарпаг. Когда же ему передали младенца, уже обряженного в погребальную одежду, он с плачем вернулся домой. Там он передал жене все слова Астиага. Жена спросила: «Что же ты теперь будешь делать?» Гарпаг отвечал: «Я, конечно, не собираюсь выполнять приказания Астиага, и даже если царь будет еще более безрассуден и ослеплен безумием, чем теперь, то я все-таки не исполню его поручения и не буду соучастником столь ужасного убийства. По разным причинам я не хочу губить ребенка. Прежде всего потому, что младенец мне родственник, затем – Астиаг уже старик и нет у него мужского потомства. Если после кончины царя престол перейдет к его дочери, сына которой он теперь приказывает мне умертвить, то

⁸⁵ *Энареи* (иранск. «анарья» – немужественный) – кастраты, гермафродиты – жрецы богини Иштар. Скифы во время вторжения в Сирию познакомились с культом богини Иштар.

⁸⁶ Ассирийские «логосы» Геродота до нас не дошли. Возможно, что Геродот их не успел написать.

⁸⁷ Завоевание ассирийского царства царем Мидии Киаксаром подтверждается табличками летописи царя Набупаласара (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 67). О царствовании Киаксара сведения Геродота противоречивы: по одному варианту (I 73), гибель скифов произошла перед войной Киаксара с Лидией, а по другому (I 106) – она непосредственно предшествовала завоеванию Нина (Ниневии).

⁸⁸ Новелла о рождении и воспитании Кира взята Геродотом из легенд царского рода Ахеменидов. В действительности Кир был вассалом Астиага, восстал и низверг этого царя. Мотивы легенды о Кире напоминают легенду о Ромуле и Реме и др.

разве нам не грозит смертельная опасность? Впрочем, безопасности ради надо умертвить этого младенца, но убить его должен кто-нибудь из людей Астиага, но не мои люди».

110. Так сказал Гарпаг и тотчас же послал вестника к одному пастуху-волопасу Астиага, который, как он знал, пас коров на горных пастбищах, где много диких зверей. Звали пастуха Митрадат. Жил он там с женой, которая также была рабыней Астиага. Имя ее на эллинском языке было Кино, а по-мидийски Спако («собака» по-мидийски спако). Пастбища же, где пас свои стада этот пастух, находились у подножия горы к северу от Акбатан по направлению к Евксинскому Понту. Только в одном месте, именно поблизости от земли саспиров, Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом, вся же остальная Мидия – плоская равнина. Когда пастух поспешно прибыл на зов, Гарпаг сказал ему вот что: «Астиаг приказал тебе взять этого младенца и оставить в самом диком месте в горах, чтобы он там как можно скорее погиб. При этом царь велел сказать тебе еще вот что: “Если ты не умертвишь ребенка, а как-нибудь его спасешь, то тебя ожидает самая лютая казнь”. Смотреть же за тем, что младенец действительно подкинут, поручено мне».

111. Выслушав приказ, пастух взял на руки ребенка и тем же путем вернулся в свою хижину. В это время жена его, со дня на день ожидавшая разрешения от бремени, по воле случая родила как раз тогда, когда муж ушел в город. Оба тревожились друг за друга: муж страшился [исхода] родов жены, а жена беспокоилась [о том], зачем это Гарпаг послал за ее мужем (чего никогда раньше не бывало). Когда же муж, возвратившись, подошел к ней, то первый вопрос жены, неожиданно увидевшей его, был: зачем так поспешно вызывал его к себе Гарпаг? А муж отвечал: «Жена! Придя в город, я увидел и услышал то, что мне не следовало бы видеть и чего не должно было никогда случиться у наших господ. Весь дом Гарпага оглашался рыданиями. В испуге я все же вошел в дом. А лишь только я вступил туда, как увидел младенца, трепещущего и кричащего. На ребенке были золотые украшения, и одет он был в расшитое разноцветными узорами одеяние. Завидев меня, Гарпаг велел тотчас же взять с собой ребенка и оставить в горах, где полно диких зверей. Гарпаг добавил, что таково повеление Астиага, присовокупив страшные угрозы, если я не выполню царского приказа. Я взял ребенка на руки и понес, думая, что это дитя кого-нибудь из слуг. Ведь я никогда бы не догадался, чей это ребенок на самом деле. Я дивился только золотым украшениям и роскошной одежде младенца. Да и громкий плач и стенания в доме Гарпага поразили меня. Впрочем, по дороге я тотчас же узнал всю правду от слуги, который провожал меня из города и передал младенца. Слуга рассказал мне, что это дитя Манданы, дочери Астиага, и ее супруга Камбиса, сына Кира, и что Астиаг приказал убить младенца. Смотри, вот он!»

112. С этими словами пастух распеленал младенца и показал жене. А жена, лишь только увидела, какой это рослый и миловидный ребенок, в слезах бросилась к ногам мужа, заклиная его никоим образом не оставлять младенца. Муж, однако, ответил, что не может поступить иначе: ведь придут соглядатаи Гарпага проверить и заслушание царского приказа его предадут мучительной смерти. Не убедив мужа, жена на худой конец решила снова обратиться к нему с такими словами: «Я не могу уговорить тебя не оставлять ребенка, но уж если людям обязательно нужно видеть, что ребенок брошен, то сделай вот так: я ведь также родила, но мертвого ребенка. Его-то ты возьми и выставь на съедение диким зверям, а младенца дочери Астиага давай воспитаем, как нашего родного сына. Таким образом, и тебя не уличат вслушании, и нам от этого будет неплохо. Ведь наше умершее дитя будет погребено по-царски, а живое останется в живых».

113. Пастух решил, что жена в данном случае совершенно права и тотчас последовал ее совету. Осужденного на смерть младенца, которого принес с собою, он отдал жене, а своего собственного мертвого ребенка положил в корзину, в которой нес царского младенца. Затем, обрядив мертвого в одежды царского младенца, пастух отнес его в самое уединенное место в горах и там оставил. Спустя три дня пастух отправился в город, оставив на месте сторожить

одного из своих подпасков. Придя в дом Гарпага, он сказал, что может показать труп ребенка. А Гарпаг послал туда осмотреть труп младенца своих самых верных телохранителей и затем велел похоронить дитя пастуха. Его-то и похоронили, а другого ребенка, впоследствии названного Киром, взяла на воспитание жена пастуха и дала ему какое-то другое имя, а не Кир.

114. Когда мальчику исполнилось десять лет, то его истинное происхождение обнаружилось вот как. Ребенок играл как раз в том селении, где стояли в своих хлевах быки. Играл же он с другими сверстниками на дороге. И мальчики во время игры выбрали царем этого мнимого сына волопаса. А он назначил одних строить дома, других быть телохранителями. Одному мальчику велел быть «оком царя»⁸⁹, другому приказал сообщать царю новости: каждому он поручил особую должность. Один из ребят – участников игры (сын знатного мидянина Артембара) не выполнил приказания. Тогда Кир велел другим схватить его. Дети повиновались, и Кир обошелся с виновным весьма сурово, наказав плетью. Лишь только виновного отпустили, он в сильном негодовании за недостойное, как ему казалось, с ним обращение прибежал в город к своему отцу с жалобой на побои, нанесенные Киром (конечно, не называя его Киром, так как ведь тогда он еще не носил этого имени, а «сыном Астиагова волопаса»). Раздраженный Артембар пришел к Астиагу жаловаться на неслыханное обращение с его сыном. «Царь, – сказал он, – вот как с ним жестоко поступил твой раб, сын волопаса!» И при этом он показал плечи своего сына [со следами побоев].

115. Астиаг, услышав это и увидев [следы побоев], приказал послать за волопасом и его сыном (из уважения к Артембару царь хотел дать удовлетворение его сыну). Когда оба они пришли, Астиаг, посмотрев на Кира, сказал: «Так это ты, сын столь ничтожного человека, осмелился так страшно оскорбить сына высокоуважаемого Артембара?» Мальчик же ответил так: «Господин! Я поступил с ним так по справедливости. Ведь ребята из нашей деревни (а среди них был и этот вот мальчик) во время игры поставили меня над ними царем; они решили, что я больше всех достоин такого звания. Прочие мальчики подчинялись мне, а этот был непослушным и не обращал внимания [на приказы], пока за это его не наказали. Если за это я заслуживаю наказания, то вот я в твоей власти!»

116. После этих слов Астиаг тотчас же узнал мальчика. Черты лица ребенка казались похожими на его собственные, и ответ был слишком гордым и откровенным для [сына] раба. Да и время, когда был выброшен [на съедение диким зверям] его внук, по-видимому, совпадало с возрастом мальчика. От ужаса Астиаг некоторое время оставался безмолвным. Едва придя наконец в себя, царь объявил, что желает допросить пастуха с глазу на глаз, и для этого отослал Артембара. «Артембар, – сказал он, – я постараюсь дать тебе и твоему сыну полное удовлетворение». Так царь отпустил Артембара, а Кира по его приказанию слуги ввели во внутренние покои дворца. Оставшись наедине с пастухом, Астиаг спросил, откуда у него мальчик и кто его передал ему. Пастух сказал, что это его ребенок, мать которого еще и теперь живет при нем. Астиаг отвечал пастуху, что было бы неразумно ему подвергаться страшным пыткам, и тотчас же подал знак телохранителям схватить пастуха. Под пыткой пастуху пришлось сознаться во всем. Он сначала правдиво рассказал, как это произошло, и закончил мольбами о милости и прощении.

117. После признания пастуха Астиаг перестал обращать на него внимание, но, перенеся теперь свой яростный гнев на Гарпага, велел телохранителям призвать его. Когда Гарпаг предстал перед ним, царь сказал: «Гарпаг! Как ты тогда умертвил младенца – сына моей дочери, которого я тебе передал?» Гарпаг же заметил, что пастух находится во дворце, и [потому] не пошел на ложь [из страха] быть уличенным, но сказал вот что: «Царь! Когда я взял младенца, я начал обдумывать, как исполнить твою волю, оставаясь пред тобой невиновным, и не стать убийцей в глазах твоей дочери и перед тобой самим. Поэтому я поступил так: я призвал

⁸⁹ «Оком» и «ушами» царя назывались чиновники при дворе персидского царя, выполнявшие полицейские функции.

сюда этого пастуха и отдал ему ребенка, сказав, что ты велел его умертвить. И эти мои слова, конечно, были чистой правдой. Ведь таково было твое повеление. При этом я отдал младенца с приказанием оставить его на пустынной горе и сторожить там, пока дитя не умрет. Я грозил пастуху страшными карами заслушание. Пастух повиновался; а когда ребенок умер, я послал самых преданных мне слуг-евнухов проверить [исполнение приказа] и затем похоронил его с их помощью. Таковы, царь, обстоятельства этого дела, и такой смертью умер младенец».

118. Так-то Гарпаг пошел на откровенное признание. Астиаг же, затаив свой гнев, сообщил ему сначала все, что узнал от пастуха, и в заключение добавил, что ребенок остался жив и что сам-де он рад, что все обошлось благополучно. «Я очень страдал, – сказал, между прочим, царь, – из-за того, что причинил этому мальчику, и мне было нелегко выносить ненависть [ко мне] собственной дочери. А теперь, так как все сложилось к лучшему, пришли твоего сына [поиграть] к нашему “новопришлому”⁹⁰ внуку. Сам же ты приходи ко мне на пир, так как я хочу принести за спасение ребенка благодарственную жертву богам, которым подобает эта честь».

119. Услышав эти слова, Гарпаг пал к ногам царя. Он был на вершине блаженства от того, что, несмотря на его провинность, все обошлось так благополучно и ради такого радостного события он даже приглашен на пир. Затем Гарпаг поспешил домой и тотчас же послал во дворец к Астиагу сына (его единственному сыну было что-то около 13 лет от роду) и велел ему исполнить все приказания царя. Сам же он с великой радостью рассказал жене обо всем происшедшем. Между тем, лишь только сын Гарпага пришел [во дворец] к Астиагу, тот велел умертвить мальчика и рассечь [труп] на куски. Часть мяса царь приказал поджарить, а часть сварить, и это хорошо приготовленное блюдо держать наготове. Когда же наступило время пира, среди других приглашенных явился и Гарпаг. Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарпагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски, кроме головы и конечностей – рук и ног. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине). Когда Гарпаг, по-видимому, насытился, Астиаг спросил, понравилось ли ему это кушанье. Гарпаг отвечал, что получил от него большое удовольствие. Тогда слуги, на которых было возложено это поручение, принесли закрытую корзину с головой, руками и ногами мальчика и приказали Гарпагу открыть [ее] и взять оттуда все, что пожелает. Гарпаг повиновался и, открыв корзину, увидел останки своего сына. Такое зрелище, однако, не смутило Гарпага, и он не потерял самообладания. Тогда Астиаг спросил, знает ли он, какой дичи он отведал. Гарпаг отвечал, что знает и что все, что ни сделает царь, ему [должно быть] мило. С такими словами он собрал остальные куски мяса и отправился домой. Быть может, он хотел собрать останки сына и предать их земле.

120. Так-то Астиаг наказал Гарпага. Затем царь призвал на совет об участии Кира тех же самых магов, которые прежде истолковали ему сновидение. Маги явились, и Астиаг вновь спросил их о значении сна. Они же повторили сказанное ими в первый раз: если бы мальчик преждевременно не умер, а остался в живых, то безусловно стал бы царем. Астиаг же возразил им: «Мальчик не умер, он жив. Когда он жил в деревне, то деревенские ребята выбрали его царем. При этом он вел себя совершенно так, как настоящие цари, окружив себя телохранителями, привратниками, вестниками и прочими слугами, как и подобает царю. Что же это предвещает, по вашему мнению?» Маги отвечали: «Если мальчик жив и даже стал царем вовсе без умысла [так что никто и не подозревал этого], то не страшись и не беспокойся: ведь во второй раз он уже не будет царем. Даже некоторые прорицания оракулов [иногда] сводятся к пустякам и всевозможные сны подчас вовсе не имеют значения». Астиаг же отвечал так: «Я, маги, такого же мнения: раз мальчик [однажды] уже (хотя и по имени только) был царем, то сновидение сбылось и мне уже больше нечего опасаться. Но все же прошу вас хорошо обду-

⁹⁰ Гомеровское слово. Гомеризмы Геродота – одна из особенностей устных ионийских рассказов, перешедших вместе с этими рассказами в «Историю» Геродота (см.: А. И. Доватур. Стил, с. 180, примеч. 5).

мать и посоветовать мне, что следует делать для безопасности моего дома и вашей». На это маги ответили так: «Царь! И для нас ведь весьма важно, чтобы престол остался за тобой. Если же он перейдет к этому персидскому мальчику, то попадет в чужие руки, и мы, мидяне, станем рабами, а персы будут нас презирать, как чужеземцев. Но пока царем остаешься ты, наш единоплеменник, и мы также участвуем в правлении и в великом почете у тебя. Поэтому-то у нас все основания стоять за тебя и за твою власть. И если бы мы предвидели грозящую тебе опасность, то все бы откровенно высказали. Но так как сновидение оказалось пустяковым, то мы теперь и сами ничего не страшимся и тебе советуем оставить страхи. Убери этого мальчика с глаз долой и отправь к родителям в Персию».

121. Услышав такой совет магов, обрадованный Астиаг призвал Кира и сказал ему вот что: «Дитя! Я обидел тебя из-за [лживого сновидения], которое не исполнилось, но велением Рока ты остался жив. Теперь здравым отправляйся в Персию, а я дам тебе провожатых. Там ты найдешь отца и мать – не таких, как волопас Митрадат и его жена».

122. С этими словами Астиаг отпустил Кира. А когда Кир возвратился в дом Камбиса, родители приняли его и, узнав, [откуда и кто он], осыпали поцелуями (они ведь думали, что он тогда сразу же был умерщвлен). Затем они стали расспрашивать сына, каким образом он остался в живых. А он рассказал им, что прежде ничего не знал [о своем происхождении] и даже имел о нем ложные представления. Только по дороге сюда он узнал всю свою горькую участь: сам же он считал себя сыном Астиагова пастуха, но в пути спутники рассказали ему все; воспитала его, по его словам, жена пастуха. Рассказывая свою историю, Кир непрестанно восхвалял ее: он только и говорил, что о Кино. Родители же подхватили это имя и, для того чтобы спасение сына казалось персам еще более чудесным, распространили слух, что подброшенного Кира вскормила собака⁹¹. От этой-то Кино и пошло это сказание.

123. Между тем Кир возмужал и сделался самым доблестным среди своих сверстников. Все любили его. И Гарпаг, который горел желанием отомстить Астиагу, также старался войти в доверие к Киру. Он посылал Киру подарки за подарками, подстрекая к мщению. Гарпаг понимал, что один он, будучи простым гражданином, не может отомстить Астиагу. Поэтому, видя, что Кир уже подрастает, Гарпаг выбрал юношу в союзники, так как Кир ведь претерпел одинаковые с ним несчастья. Сперва Гарпаг поступил так: он завязал отношения со всеми знатными мидянами, побуждая их свергнуть царя (Астиаг ведь был суровым владыкой мидян) и поставить царем Кира. Когда Гарпагу удалось склонить [знать] на свою сторону и все было готово, он решил сообщить свой замысел Киру. Кир же находился в Персии, и так как все дороги охранялись, а иным путем нельзя было передать весть, то Гарпаг придумал вот какую хитрость. Он искусно приготовил зайца, а именно распорол ему живот, не повредив шкуры, и затем вложил туда грамоту, в которой объяснил свой замысел. Потом он снова зашил живот зайца и послал зверя в Персию с одним из самых преданных слуг, дав ему охотничью сеть, как охотнику. На словах же он велел передать, чтобы Кир вскрыл [живот] зайца собственноручно и без свидетелей.

124. Слуга выполнил это приказание Гарпага, и Кир, получив зайца, распорол ему живот. Там Кир нашел послание, взял его и стал читать. А в послании говорилось так: «Сын Камбиса! Боги хранят тебя. Иначе ведь они не уготовили бы тебе такой счастливой доли. Отомсти же Астиагу, твоему убийце! Ведь его-то умыслом ты был предан смерти и только по воле богов и благодаря мне остался жив. О своих собственных несчастьях ты, я думаю, конечно, уже давно узнал, и не только о том, что Астиаг причинил тебе, но также и мне [за то, что] я не умертвил тебя, а отдал пастуху. Теперь же, если ты только меня слушаешь, вся Астиагова держава будет твоей. Убеди персов восстать и выступай в поход на мидян. И если Астиаг в войне против тебя поставит меня военачальником или другого кого-нибудь из знатных мидян, то ты достигнешь

⁹¹ Собака у иранцев была посвящена верховному богу Ахурамазде и считалась священным животным.

желанной цели. Ведь они первыми перейдут на твою сторону и будут стараться низложить Астиага. Итак, здесь все готово, и поэтому послушайся моего совета и действуй поспешно».

125. Прочтя вслух это послание, Кир стал обдумывать способ, как бы похитрее склонить персов к измене Астиагу. Обдумывая же, он решил, что лучше всего сделать так: записав то, что он задумал, в послании, он созвал народное собрание персов. Затем он раскрыл послание, прочитал его, объявив персам, что Астиаг назначил его военачальником. В своей речи Кир, между прочим, сказал: «Теперь, персы, я приказываю всем вам явиться, вооружившись серпом». Так приказывал Кир. Племен персидских много. Кир собрал часть из них и убедил отложиться от мидян. Вот эти племена, от которых зависят все остальные: персы, пасаргады, марафии, маспии. Из них самые благородные – пасаргады, к которым принадлежит также род Ахеменидов (откуда произошли персидские цари). Другие персидские племена – это панфиалеи, дерусиен, германин. Все упомянутые племена занимаются земледелием, прочие же – даи, марды, дропики – кочевники⁹².

126. Когда все они явились с упомянутым серпом, то Кир приказал за день расчистить определенный участок земли (известная часть Персидской земли площадью приблизительно 18 или 20 стадий была покрыта колючим кустарником). По окончании этой тяжелой работы Кир приказал на следующий день явиться снова, предварительно вымывшись. Между тем Кир велел собрать в одно место всех коз, овец и коров своего отца, заколоть их и приготовить угощение для персидского войска. Кроме того, он заготовил большое количество вина и хлеба. На следующий день, когда персы явились, Кир предложил им, расположившись на лугу, угощаться. После пиршества Кир спросил персов: какой день им больше понравился – вчерашний или сегодняшний. «Между этими днями есть, конечно, большое различие, – отвечали они, – ведь вчерашний день принес нам только невзгоды, а сегодня – все прекрасно». Подхватив эти слова, Кир открыл персам все свои замыслы и сказал: «Персидские воины! Дело обстоит вот как: если вы пожелаете следовать за мною, то у вас будут и эти блага, и еще в тысячу раз больше. Если же не захотите, то вас ожидает бесконечный подобный вчерашнему тяжкий труд. Поэтому следуйте за мною и обретете свободу. Я рожден, как я верю, по воле богов взять на себя дело вашей свободы. Я думаю, что вы ничуть не уступаете мидянам во всем прочем и в особенности как воины. Поэтому вам следует как можно скорее отложиться от Астиага».

127. Отныне персы обрели вождя и были рады избавлению от мидийского ига. Уже давно ведь мидийское владычество было им ненавистно. Астиаг же, когда узнал о таких приготовлениях Кира, отправил к нему вестника с приказанием явиться к себе. А Кир велел вестнику объяснить царю, что прибудет к нему раньше, чем тому будет угодно. Услышав такой ответ, Астиаг призвал весь мидийский народ к оружию и назначил военачальником Гарпага (бог ведь помрачил ум царя, и он предал забвению все, что сам причинил Гарпагу). Когда мидяне выступили в поход и начали битву с персами, то сражалась лишь одна часть войска, не причастная к заговору, другая добровольно перешла на сторону персов, большинство же воинов, изменив своему долгу, трусливо обратилось в бегство.

128. Так-то мидийское войско позорно рассеялось. Астиаг же, узнав о поражении, грозно воскликнул: «Все равно! Несдобровать же Киру!» Затем царь велел сначала посадить на кол снотолкователей-магов, которые убедили его пощадить Кира, а потом велел, чтобы все оставшиеся в городе мидяне – стар и млад – взяли за оружие. С этим войском Астиаг сам выступил против персов, но в битве потерпел поражение. Сам царь был при этом взят в плен, а мидийское войско уничтожено⁹³.

⁹² Некоторые из упомянутых народностей, например даи, только впоследствии были покорены Киром. По Беросу, Кир пал (530 г. до н. э.) в битве с даями, кочевавшими на р. Оксусе (совр. Амударья).

⁹³ Это сообщение подтверждается летописью вавилонского царя Набонида: Астиаг был выдан Киру его собственными восставшими воинами.

129. Тогда Гарпаг подошел к пленному Астиагу и стал злорадно издеваться над несчастным. Обращаясь к пленнику с язвительными словами, между прочим, спросил его: что такое для него потеря владычества по сравнению с тем пиром, когда он, Астиаг, предложил на угощение ему, Гарпагу, мясо его же сына. За это-то злодеяние он, Астиаг, и стал теперь из царя рабом. Астиаг же посмотрел на Гарпага и в свою очередь заметил: не приписывает ли Гарпаг себе деяние Кира. А Гарпаг возразил, что он сам написал Киру об этом, [побуждая его к восстанию], и потому по справедливости – это его заслуга. Тогда Астиаг стал приводить доводы в доказательство того, что Гарпаг глупейший и самый негодный человек на свете. Самый глупый – потому что возложил царский венец на другого, хотя мог бы сам стать царем (если, действительно, как он уверяет, переворот – дело его рук). Самый же негодный оттого, что «из-за своего пиршества» он сделал мидян рабами. Если уж непременно нужно было кого-нибудь другого облечь царской властью вместо него, Астиага, то справедливее было бы по крайней мере предоставить эту честь мидянину, а не персу. Отныне же ни в чем не повинные мидяне стали из господ рабами, а персы – прежние рабы – теперь владыки.

130. Итак, Астиаг после 35-летнего царствования лишился власти. Из-за его жестокости мидянам пришлось подчиниться персам. Владычество же мидян над Азией по ту сторону Галиса продолжалось 128 лет, исключая время господства скифов⁹⁴. Впоследствии мидяне раскаялись в том, что покорились персам и подняли восстание против Дария. Однако они потерпели поражение в битве и вынуждены были вновь подчиниться. Персы же, отложившись при Астиаге от мидян, под предводительством Кира с тех пор владычествовали над Азией. Кир между тем не причинил Астиагу никакого зла, но держал при себе до самой его кончины. Такова история рождения, детства и восшествия Кира на престол. Затем Кир победил также и Креза, который, как я уже сказал, первым напал на него. Так-то после победы над Крезом Кир стал владыкой Азии.

131. Что до обычаев персов, то я могу сообщить о них вот что. Воздвигать статуи, храмы и алтари [богам] у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами, потому, мне думается, что вовсе не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины. Так, Зевсу⁹⁵ они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют Зевсом⁹⁶. Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам⁹⁷. Первоначально они приносили жертвы только этим одним божествам, затем от ассирийцев и арабов персы научились почитать Уранию (ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы – Алилат, а персы – Митра)⁹⁸.

132. Этим-то богам персы совершают жертвоприношения вот как. Персы не воздвигают алтарей и не возжигают огня⁹⁹. Нет у них ни возлияний, ни игры на флейте, как нет и венков, и жертвенного ячменя. Если кто-нибудь пожелает принести жертву указанным богам, то приводит жертвенное животное в «неоскверненное» место и призывает бога, причем чаще всего украшает свою тиару¹⁰⁰ миртовыми ветвями. Приносящему жертву не дозволяется просить о

⁹⁴ Данные Геродота о времени господства мидян восходят к аккадским источникам. Основание мидийского царства относится к 671 г., а его падение – к 553 г. до н. э.

⁹⁵ Геродот отождествляет греческого Зевса с персидским Ахурамаздой (мудрый владыка).

⁹⁶ Эти слова напоминают одно место из гат (песней Авесты), по которому Мазда «несет мощные небеса подобно одеяниям» (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 117).

⁹⁷ Перечисленные здесь божества: солнце (Митра), луна (Магх), земля (Зам), огонь (Атар), вода (Ап), ветер (Вата) принадлежат древней арийской религии. Поклонение этим божествам сохранила и религия Заратуштры.

⁹⁸ Геродот смешивает здесь бога солнца Митру с богиней воды Анаитой. В пограничной вавилонско-иранской области рано произошло смешение Анаиты с богиней Иштар, что, по-видимому, указывает на то, что осведомитель Геродота происходил оттуда.

⁹⁹ В культе Ахурамазды священный огонь считался вечным, и поэтому персы «не возжигают огня» (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 120).

¹⁰⁰ Головной убор персов в виде усеченного конуса.

даровании благ только себе одному: он молится за всех персов и за царя, так как и сам принадлежит к персам. Затем он разрезает жертву на части и варит мясо, а потом подстилает самую свежую траву (чаще всего – трилистник) и кладет на нее мясо. Тогда подходит маг с песнопением «теогонии»¹⁰¹, как они называют это заклинание. Ведь без мага совершать жертвоприношение у них не положено. Через некоторое время приносящий жертву уносит мясо домой и поступает с ним, как ему вздумается.

133. Самым большим праздником у персов признается день рождения каждого человека. В этот день они считают нужным устраивать более обильное, чем в другие дни, угощение. Люди богатые тогда подают на стол целиком зажаренного в печи быка¹⁰², коня, верблюда или даже осла, а бедные выставляют лишь голову мелкого рогатого скота. Обеденных яств у них немного, зато в изобилии подаются десертные блюда одно за другим. Поэтому персы утверждают, что эллины встают из-за стола голодными, так как у них после обеда не подают ни одного стоящего блюда. Если бы у эллинов подавался десерт, то они бы ели не переставая. Персы – большие любители вина. В присутствии других людей у них не принято извергать пищу и мочиться. Эти обычаи персы строго соблюдают. За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает [на утверждение] гостям уже в трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют. И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю¹⁰³.

134. При встрече двух персов на улице по их приветствию легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в уста. Если один лишь немного ниже другого по положению, то целуются в щеки. Если же один гораздо ниже другого, то низший кланяется высшему, падая перед ним ниц. Наибольшим почетом у персов пользуются (разумеется, после самих себя) ближайшие соседи, затем – более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные. Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными. Во время владычества мидян один народ также господствовал над другим, а мидяне – над всеми, а также и над своими ближайшими соседями; эти же последние – опять над своими соседями и т. д. Так же и персы [ныне] оценивают народы. Ведь этот народ постепенно распространял свое влияние сначала непосредственно, а затем с помощью других народов.

135. Персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже мидийскую одежду, считая ее красивее своей, а на войну надевают египетские доспехи. Персы предаются всевозможным наслаждениям и удовольствиям по мере знакомства с ними. Так, они заимствовали от эллинов любовное общение с мальчиками. У каждого перса много законных жен, а, кроме того, еще больше наложниц.

136. Главная доблесть персов – мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей. Тому, у кого больше всех сыновей, царь каждый год посылает подарки. Ведь главное значение они придают численности. Детей с 5- до 20-летнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости.

¹⁰¹ При жертвоприношении маг пел гату (песнь из Авесты), содержание которой Геродот совершенно произвольно сопоставляет с эллинской теогонией (поэмой о происхождении богов).

¹⁰² Слухи о таких обильных угощениях персов были распространены в Греции еще в V в. до н. э. (см.: *Аристофан*. Ахарняне, с. 86).

¹⁰³ Здесь речь идет о ритуальных, а не о бытовых оргиях. Опыняющий напиток «хаома», который употребляли персы, должен делать «знающими» участников оргии (ср.: *В. В. Струве*. Этюды, с. 26). В Авесте опьянение «златоцветной хаомой» дарует «всестороннее знание».

До 5-летнего возраста ребенка не показывают отцу: он среди женщин. Это делается для того, чтобы в случае смерти ребенка в младенческом возрасте не доставлять отцу огорчения¹⁰⁴.

137. Я одобряю этот обычай, хвалю также и тот, что у них даже и сам царь не имеет права казнить человека за один определенный проступок, да и вообще никто из персов не может казнить своих слуг за единичное преступление. Только если по зрелом размышлении он найдет, что слуга совершил больше важных преступлений, чем оказал услуг, тогда господин может излить свой гнев на него¹⁰⁵. По утверждению персов, у них не было случаев убийства родного отца или матери. В каждом подобном случае, по их словам, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это дело или незаконнорожденных детей, или подкидышей: ведь совершенно противоестественно, чтобы настоящего отца, говорят они, убил собственный сын.

138. О том, что им запрещено делать, персы даже и не говорят. Нет для них ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги. Последнее – по многим другим причинам, а особенно потому, что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать. Кто из горожан страдает проказой или белыми лишаями, тот не входит в город и не вступает в сношения с другими персами. Эти недуги персы приписывают какому-нибудь греху человека по отношению к Солнцу. Всякого чужеземца, страдающего этими недугами, они изгоняют из своей страны. По этой же причине многие убивают также белых голубей¹⁰⁶. В реку персы не мочатся и не плюют; рук они и сами не моют в реке и никому другому не позволяют этого делать. К рекам вообще персы относятся с глубоким благоговением.

139. Вот еще с какой своеобразной особенностью приходится встречаться у персов, которой сами они не замечают, а для нас она, разумеется, ясна. Собственные имена их, по значению соответствующие их телесной силе и величию, все оканчиваются на одну и ту же букву, которую дорийцы называют сан, а ионяне – сигма. На эту-то букву оканчиваются не только некоторые их имена, а решительно все¹⁰⁷, как это можно обнаружить при ближайшем рассмотрении.

140. Эти известия о персах я могу сообщить как безусловно достоверные. Напротив, сведения о погребальных обрядах и обычаях персы передают как тайну. Лишь глухо сообщается, что труп перса предают погребению только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки. Впрочем, я достоверно знаю, что маги соблюдают этот обычай. Они ведь делают это совершенно открыто. Во всяком случае персы предают земле¹⁰⁸ тело покойника, покрытое воском¹⁰⁹. Маги¹¹⁰ в значительной степени отличаются [одним своим обычаем] как от остальных людей, так особенно от египетских жрецов. Последние полагают свою обрядовую чистоту в том, что не убивают ни одного живого существа, кроме жертвенных животных. Маги же собственноручно убивают всех животных, кроме собаки и человека. Они даже считают великой заслугой, что уничтожают муравьев, змей и [вредных] пресмыкающихся и летающих животных. Впрочем, пусть этот обычай существует, как он был искони, я же возвращусь к своему прежнему рассказу.

141. Тотчас после завоевания Мидии персами ионяне и эолийцы отправили вестников в Сарды к Киру. Они велели объявить ему, что желают подчиниться персам на тех же условиях, как ранее Крезу. Выслушав их предложение, Кир рассказал им басню: «Какой-то флейтист

¹⁰⁴ Подобное же известие о воспитании юношей содержится в надгробной надписи Дария I (В. В. Струве. Этюды, с. 84).

¹⁰⁵ В Накширустемской надписи Дария царь требует тщательно обсудить, кто подлинный враг, а кто нет (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 82).

¹⁰⁶ Белые голуби были посвящены Иштар. Персы считали их носителями проказы.

¹⁰⁷ Очевидно, персидские имена были известны Геродоту лишь в греческой транскрипции.

¹⁰⁸ Погребение в земле считалось у персов одним из способов почитания богини земли (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 144).

¹⁰⁹ Обмазывание тела покойника воском – вавилонский обычай, принятый персами. Тела персидских царей после бальзамирования помещались в саркофаги. Выставление трупов на растерзание диким зверям в это время было в обычае только у североиранских племен и у магов.

¹¹⁰ Обычай магов оставлять трупы на растерзание зверям восходит к способу погребения каспиев (см.: Страбон XI, 9, 3, 8).

увидел в море рыбу и принялся играть на флейте, надеясь, что рыба выскочит на сушу. Обманувшись же в своих ожиданиях, он закинул невод, поймал много рыбы и вытащил ее на берег. И вот, увидев бьющуюся в неводе рыбу, он сказал: “Прекратите теперь у меня пляску! Вы ведь даже не захотели выйти поплясать под мою флейту!”» Эту басню Кир рассказал ионянам и эолийцам потому, конечно, что те прежде отклонили предложение Кира отложиться от Креза, а теперь, когда все было уже кончено, изъявили готовность подчиниться Киру. Таков был ответ разгневанного Кира. Когда весть об этом пришла в ионийские города, то ионяне обнесли каждый город стеной и все, кроме милетян, собрались в Панионий (ведь только с одними милетянами Кир заключил союз на тех же условиях, что и мидийский царь). Остальные ионяне единодушно решили послать вестников в Спарту с просьбой о помощи.

142. Эти-то ионяне, которым также принадлежит Панионий, основали свои города, насколько я знаю, в стране под чудесным небом и с самым благодатным климатом на свете. Ни области внутри материка, ни на побережье (на востоке или на западе) не могут сравниться с Ионией. Первые страдают от холода и влажности, а вторые – от жары и засухи. Ионяне говорят не на одном языке, а на четырех различных наречиях¹¹¹. Дальше всего к югу лежит Милет, затем идут Миунт и Приена. Эти города находятся в Карики, и жители их говорят на одном наречии. Напротив, следующие города расположены в Лидии: Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Клазомены, Фокея. [В этих городах] также говорят на общем наречии, отличном от наречия вышеупомянутых городов. Кроме того, есть еще три ионийских города: два из них – на островах, именно Самос и Хиос, а один – Эрифры – на материке. Хиосцы и эрифрейцы говорят на одном наречии, самосцы же – на своем особом. Это и есть четыре ионийских наречия.

143. Итак, из этих ионян только милетянам нечего было страшиться, так как они заключили союз с Киром. Впрочем, и островитянам не грозила [непосредственная] опасность: ведь персы еще не покорили финикийян, а сами они не были мореходами. От остальных ионян эти [азиатские] ионяне отделились потому лишь, что ионийское племя было самым слабым и незначительным среди вообще слабого еще тогда эллинского народа. Кроме Афин, вообще не существовало ни одного значительного ионийского города. Поэтому как остальные ионяне, так и афиняне избегали имени «ионяне», не желая называться ионянами. И поныне даже, как я думаю, многие из них стыдятся этого имени. А те двенадцать [азиатских] городов¹¹², напротив, гордились своим именем. Они воздвигли общее святилище, назвав его Панионий, и постановили не допускать туда других ионян (о чем, конечно, кроме смирнейцев, никто и не просил).

144. Точно так же и дорийцы¹¹³ из нынешней области пятиградья (которая прежде называлась шестиградьем) не только запретили соседним дорийцам доступ в Триопийское святилище, но даже не допускали и своих сограждан участвовать [в религиозных обрядах] за непочтительность к храму. При состязаниях в честь Аполлона Триопийского они издревле, по обычаю, давали победителям в награду медные треножники. Победители, однако, не должны были брать с собой эти треножники из святилища, но посвящать их богу. Как-то раз победу одержал один галикарнассец по имени Агасикл, который пренебрег этим обычаем, унес треножник домой и повесил там на гвозде на стену. В наказание за это пять городов – Линд, Иалис, Камир, Кос и Книд – отстранили шестой город – Галикарнасс от участия [в религиозных обрядах]. Так наказали они этот город.

145. Так вот, ионяне, как я думаю, основали двенадцать городов и не пожелали больше никого допускать в свой союз вот по какой причине. Когда они жили еще в Пелопоннесе, у них,

¹¹¹ Геродот говорит здесь о местных говорах отдельных местностей и городов. Они отличались от того ионийского диалекта, на котором писал Геродот.

¹¹² 12 ионийских городов возникли из 12 областных союзов ионян. У них было общее святилище в Панионии.

¹¹³ 6 дорийских городов возникли из 6 дорийских областных союзов. Их общее святилище находилось на мысе Триопии у Книда.

как и у ахейцев, которые их изгнали¹¹⁴, было двенадцать городов. Ахейцы же еще и поныне занимают двенадцать областей [в Пелопоннесе]. Это, во-первых, Пеллена, лежащая близ Сикиона, затем Эгира и Эги (где течет неиссякающая река Крафис, по имени которой названа и река в Италии); потом Бура и Гелика (куда бежали ионяне после неудачной битвы с ахейцами), далее Эгий, Рипы, Патры, Фары и Олен (где течет большая река Пир); наконец, Дима и Три-теи – единственные из этих городов, расположенные внутри страны. Эти двенадцать областей теперь принадлежат ахейцам, а прежде были ионийскими.

146. По этой же причине ионяне и основали двенадцать городов. И было даже очень глупо утверждать, что эти азиатские ионяне чистокровнее и благороднее остальных ионян. Добрую часть их составляют абанты с Евбеи, которые ничего общего не имеют даже в имени с ионянами. Кроме того, ионяне смешались с орхоменскими минийцами¹¹⁵, с кадмейцами, дриопами, фокейцами, отделившимися [от своего народа], молоссами, пеласгическими аркадцами, дорийцами из Эпидавра и многими другими племенами. Те же ионяне, которые выступали прямо из афинского пританея и считали себя самыми благородными, не привели с собой на новую родину женщин, но женились на кариянках, родителей которых они умертвили. Из-за этой-то резни [родителей] карийские женщины под клятвой ввели у себя обычаи и передали своим дочерям: никогда не вкушать пищи вместе со своими мужьями и не называть мужей по имени за то, что те умертвили их отцов, мужей и детей, а затем взяли их в жены. Все это произошло в Милете.

147. Царями же одни из этих ионийских городов выбрали себе ликийцев, отпрысков Главка, сына Гипполоха, другие – кавконов из Пилоса, потомков Кодра, сына Меланфа; иные, наконец, – потомков и того и другого. Конечно, они несколько более держались за свое имя [ионян], чем остальные ионяне, и их, пожалуй, все же можно назвать чистокровными ионянами. Впрочем, все они ионяне, поскольку происходят из Афин и справляют праздник Апатурий. Это празднество устраивают все ионяне, кроме эфесцев и колофонян. Это – единственные ионийские города, где не празднуют Апатурий, будто бы из-за какого-то убийства.

148. Панионий – это священное место на Микале, посвященное ионийским союзом Посейдону Геликонию (расположено оно на северной стороне горной цепи). Микале же – это мыс на западе [малоазийского] материка, напротив Самоса. Туда собирались ионийские города на праздник, названный ими Панионии. <Так обстоит дело не только с ионийскими празднествами, но и вообще все названия эллинских праздников, так же как и имена персов, оканчиваются на эту букву>¹¹⁶.

149. Это – ионийские города. Эолийские же города вот какие: Кима, называемая также Фриконидой, Ларисы, Неон Тихос, Темнос, Килла, Нотий, Эгироесса, Питана, Эгеи, Мирина, Гриния. Это – одиннадцать древних эолийских городов. Один из них – Смирну – ионяне отняли у эолийцев. Первоначально ведь на [азиатском] материке было, [так же как и ионийских], двенадцать эолийских городов¹¹⁷. Эти эолийцы заняли область плодороднее ионийской, но не обладающую столь благодатным климатом.

150. Смирну же эолийцы потеряли вот каким образом. Жители Смирны дали убежище беглецам из Колофона, побежденным при восстании и изгнанным из своей родины. Впоследствии эти колофонские изгнанники воспользовались случаем, когда горожане справляли за

¹¹⁴ По Геродоту, дорийское переселение вынудило ахейцев отступить на север. Ахейцы вытеснили тогда ионян, живших у Патрасского залива, и заставили их переправиться в Малую Азию.

¹¹⁵ Минийцы первоначально жили в Фессалии в области Иолка. Под давлением пеласгов (эолийцев) часть их двинулась на юг и основала Орхомен в Беотии. Другая часть заняла о. Лемнос, откуда их впоследствии изгнали пеласги. Тогда минийцы перешли в южную часть Пелопоннеса, но под натиском дорийцев вынуждены были отступить в горную область Тайгета.

¹¹⁶ Фразу «так обстоит дело... оканчиваются на эту букву» некоторые ученые считают позднейшей вставкой.

¹¹⁷ Эти 12 эолийских городов первоначально были племенными округами. Имена некоторых городов (например, Лариса) встречаются в Фессалии и Малой Азии. Эолийцы переселились из Фессалии раньше ионян под натиском дорийцев.

городскими стенами праздник в честь Диониса, закрыли ворота и овладели городом. Остальные эолийцы поспешили на помощь городу, но заключили [с колофонскими изгнанниками] соглашение, по которому эолийцы оставили город, после того как ионяне отдали им домашнее имущество. Затем одиннадцать ионийских городов поделили между собой смирнейцев и даровали им гражданские права.

151. Это – эолийские города на [азиатском] материке, кроме поселений на Иде, которые составляют особую группу. Из островных городов пять находятся на Лесбосе (шестой город на Лесбосе – Арисбу – покорили мефимнейцы, хотя жители ее были их кровными родственниками). На Тенедосе есть также один город, а другой – на так называемых «Ста островках»¹¹⁸. Итак, лесбосцам и тенедосцам (так же как и островным ионянам) нечего было пока опасаться [персов]. Остальные эолийские города решили сообща во всем следовать ионянам.

152. По прибытии же в Спарту ионийских и эолийских послов (а они очень спешили) они выбрали своим представителем фокейского посла по имени Пиферм. Пиферм надел на себя пурпурное одеяние, чтобы спартанцев, если они услышат об этом, собралось бы как можно больше. Затем он выступил [в собрании лакедемонян] с длинной речью, прося помощи. Лакедемоняне даже не стали и слушать его, но решили отказать ионянам в помощи. Послы возвратились домой, а лакедемоняне, несмотря на отказ ионянам, все же послали 50-весельный корабль, как я думаю, чтобы наблюдать за ходом борьбы Кира с ионянами. По прибытии лакедемонского корабля в Фокею спартанцы отправили в Сарды самого уважаемого человека из своей среды по имени Лакрин объявить Киру от имени лакедемонян, что они не позволят ему разорить ни одного эллинского города.

153. После этих слов глашатая, как говорят, Кир спросил эллинов из своей свиты, что это за люди лакедемоняне и сколь они многочисленны, что осмеливаются говорить такие речи. Получив ответ, Кир сказал спартанскому глашатаю: «Я не боюсь людей, у которых посреди города есть определенное место, куда собирается народ, обманывая друг друга и давая ложные клятвы. Если я останусь жив, то им придется толковать не о делах ионян, а о своих собственных». Эти презрительные слова Кир бросил в лицо всем эллинам за то, что у них покупают и продают на рынках (ведь у самих персов вовсе нет базарной торговли и даже не существует рынков). Затем Кир отдал город Сарды [в управление] персу Табалу, а золото Креза и прочих лидийцев поручил хранить¹¹⁹

¹¹⁸ «Сто островков» – многочисленная группа островков между Лесбосом и материком.

¹¹⁹ В подлиннике *χομιζειν*. Вместе со Штейном и Мищенко я перевожу «поручил хранить», а не «перевозить», как предлагает Пауэлл (*J. E. Powell. A lexicon to Herodotus, s. v. χομιζειν*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.